

E.V.Martinas

МЕСТО, КОТОРОГО ДВАЖДЫ НЕ БЫЛО

ПУСТЬ ТЕЧЕНИЕ ЖИЗНИ УНОСИТ ВАС
ЗА ГОРИЗОНТЫ ВОЗМОЖНОГО

ЧАСТЬ I

Мастера прозы

E. V. Martinas

**Место, которого дважды
не было. Часть 1. Черный
властелин. Начало**

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Martinas E.

Место, которого дважды не было. Часть 1. Черный властелин.
Начало / Е. Martinas — «Эксмо», 2021 — (Мастера прозы)

ISBN 978-5-600-02901-9

Эльф Маурос рано потерял родителей и попал на воспитание к родственникам, а дальше неприятности сыпались на голову несчастного, как из рога изобилия. Он считал себя самым невезучим эльфом на свете, но правда, случайно открывшаяся ему в магической железной книге, оказалась куда страшнее: Мауросу было предначертано судьбой стать Чёрным маршалом и завоевать весь мир во имя бога войны Армарса и Тёмной коалиции. Эльф понял, что является пешкой в игре Великих повелителей стихий, Великих ведьм, колдунов, богов, вольных духов и даже неугомонных покойников, но в то же время от него зависят тысячи жизней на Южном континенте и исход грядущей войны. Сумеет ли Маурос выйти победителем из жестокой игры истинных хозяев мира? Сохранит ли он душу и тело? Сбудется ли пророчество железной книги?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-600-02901-9

© Martinas E., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Выход из моря	6
Часть первая. Чёрный властелин. Начало	9
Ссылка Мауроса	9
Железная книга	12
Заброшенная шахта	18
Совет Семи Мудрецов	21
Дом колдуна	33
Хиль	44
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Е. V. Martinas

Место, которого дважды не было

© Е. V. Martinas, текст, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Выход из моря

- Они все одинаковые.
- Так кажется на первый взгляд.
- А на второй?
- Женщины не могут быть одинаковыми.

Если кто-нибудь спросит вас, откуда они появились, смело отвечайте, что они вышли из Великого моря. Одним тёплым весенним утром на берег Южного континента набежала странная волна, за ней другая, а потом и третья. Какая-то невидимая сила заставляла волны разламываться надвое. Воды расступились, и примерно на сто метров от берега обнажилась полоска морского дна. Великое море выпускало на землю одно из своих сокровищ. Всем известно, что в его глубинах хранятся несметные богатства и что их ревностно охраняет Великий Морской Владыка, но иногда случаются поистине важные события, заставляющие его расстаться с одной из бесчисленных драгоценностей. Так было и на этот раз.

Из Великого моря на берег Южного континента выходили 99 прекрасных юных дев. Почему именно столько? Никто точно не знает, но несколько правдоподобных объяснений будут даны далее в этой книге. Выйдя на берег, девушки разом остановились и повернулись в сторону моря, словно услышав чей-то приказ. Воцарилась торжественная тишина. Смолкли птицы. Стих ветер. Даже волны разбивались о берег совершенно беззвучно. Вдруг раздался страшный нарастающий гул, и далеко в море взмыли ввысь три огромных водяных столпа, а между ними засияла радуга, образовав трезубец – символ Великого Морского Владыки. Так он сам прощался с жемчужными сёстрами и желал им удачи.

Все 99 красавиц имели одну общую черту – цвет кожи. На этой планете он больше ни у кого не встречался: она поражала жемчужной белизной, но, как и жемчуг, под лучами солнца переливалась разными цветами и поблескивала. В сумерках она становилась серой. Что касается цвета волос и глаз, то тут можно было увидеть самые разные оттенки. Впереди шла высокая красавица с густыми рыжими волосами. Она возглавляла шествие, но держалась неуверенно: то и дело оглядывалась и останавливалась, чтобы помахать на прощание рукой. Казалось, она вот-вот расплчется и побежит обратно в родное море, но она заставляла себя идти вперёд, пусть каждый шаг и давался ей с большим трудом.

Не все её спутницы вели себя так же. Многим явно не терпелось поскорее выйти на берег и наконец увидеть, что же там есть, но им приходилось держать строй и не обгонять медлительных и нерешительных подруг. Эта сумятица, столь не подходящая торжественности момента, объяснялась просто: они впервые выходили на берег, который, собственно говоря, и увидели в первый раз в жизни. Более того, они знали, что сотни или даже тысячи лет не смогут вернуться в родную стихию, а некоторые из них не увидят её больше никогда. И, как это обычно бывает в переломные моменты, все вели себя абсолютно по-разному. Одни боялись перемен, другие спешили к ним навстречу, уже мысленно попрощавшись с прошлым, а некоторые не вполне осознавали, что происходит, и просто следовали за остальными.

На белых гребнях волн покачивались русалки. Они приплыли проводить своих недавних подруг. Им и махала на прощание рукой рыжеволосая Ралит. Имя её в переводе с древнеэльфийского означало «заходящее солнце». Русалки не знали, что ждёт этих девушек впереди. По поводу их похода в подводном царстве было много слухов. Кто-то говорил, что Великий Морской Владыка посылает их в качестве подарка и залога вечной дружбы одному из Великих Владык Суши. Хотя в данную версию верилось с трудом, многие поддерживали именно её, что объяснялось просто: в остальных вариантах истолкования звучало слово «война». Оно наводило ужас на жителей глубин. Его не хотелось ни слышать, ни произносить. Честно говоря,

большинство из живших в то время в море толком не знали, что это такое, ибо на их веку ни одной войны не случилось. Но всем было известно, что семь тысяч лет назад на Южном континенте разразилась война, настолько страшная, что воюющим сторонам оказалось мало суши, и пожар вражды перекинулся на море и небо. Тогда жителей глубин от неминуемой гибели спас Великий Морской Владыка, пожертвовав самым дорогим сокровищем, но каким именно, спустя тысячи лет никто сказать не мог.

Один придворный тритон утверждал, что слышал обрывок разговора Великого Морского Владыки и его дочери. Он давно служил у Хозяина Морей, прекрасно знал всё и вся во дворце и беспрепятственно мог входить практически во все помещения. В тот день он нёс сундук с отборными жемчужинами в сокровищницу и заметил нечто странное.

У входа никого не было!

Здесь всегда дежурили стражники – мурены. Они дотошно расспрашивали желавших войти, тщательно проверяли придворного, принёсшего драгоценности, следовали за ним по пятам всё время, пока тот находился внутри, и потом досматривали на выходе. В книгах учёта богатств дворца скрупулёзно записывалось: кто именно, что конкретно, в каком точно количестве, в какой день и час принёс в сокровищницу и сколько времени провёл в святой святых подводного царства. Считалось, что благодаря столь строгому контролю из хранилища ни разу ничего не пропало. Хотя имелось и другое объяснение: обитатели моря не были склонны к воровству и безмерно уважали Великого Морского Владыку. Но правила есть правила: чем они строже соблюдаются, тем больше порядка в подводном царстве. Входить в сокровищницу с пустыми руками могли только сам Великий Морской Владыка и его единственная дочь.

Не обнаружив у дверей стражей, тритон разволновался. Что могло случиться? Такого никогда не было! Он замер в начале сводчатого коридора, ведущего к сокровищнице, и решил подождать стражников-мурен. Терпения его хватило ненадолго. Придворного охватила паника. «Неслыханно! Где стража?! На помощь!» – страшные мысли со скоростью молний мелькали у него в голове. Тело его, скованное страхом, такой быстротой похвастаться не могло. Зная, что надо спешить за подмогой, бедняга застыл на месте. Тогда-то он и услышал плач царевны Консоласьон. Любопытство и сострадание победили страх. Почему любимица подводного царства плачет? Тритон приблизился к золочёным дверям и услышал сквозь всхлипывания царевны две фразы, которые уже через час его стараниями повторяло всё подводное царство: «Папа, сотни, тысячи лет без родного моря! Ни одно сердце не выдержит столь долгой разлуки!» Слова пугали и завораживали таинственностью. Никто не мог понять их смысл до конца. Объяснения и слухи множились каждую минуту. Подводное царство буквально бурлило. Чтобы разгадать тайну тех слов, надо было услышать весь разговор между Великим Морским Владыкой и его дочерью, но таких свидетелей в подводном царстве не нашлось. Опасаясь паники, Великий Морской Владыка уединился с дочерью в сокровищнице, самом надёжном месте дворца, и даже отослал верных стражников-мурен, чтобы они ничего не подслушали и не проболтались.

Правитель хотел, чтобы тайну знал только он. А точнее, он хотел, чтобы эту тайну не знал никто, даже он сам. Как он сожалел о том безмятежном времени, когда не услышал ещё новое страшное пророчество колдуна Хоруса из чёрной жемчужины. Он жил без забот в великолепном дворце, управлял верными подданными, растил прекрасную дочь и порой (стыдно признаться) скучал от безделья и тосковал по давним временам сражений и подвигов, по ушедшей бурной молодости этого мира, по жизни, полной опасностей и приключений. Видимо, дотосковался. Снова появился колдун Хорус, сообщавший исключительно плохие вести, неизменно добавляя таинственным, успокойным голосом: «У жителей Южного континента слишком мало шансов избежать беды. Их последняя надежда – это вы. О! Великий Морской Владыка! Уповаю на ваше могущество и добрую волю». Правда, дальше колдун Хорус давал ценные советы, как если и не избежать нависшей угрозы, то хотя бы свести к минимуму её негативные

последствия. Будто эта ложка мёда могла подсластить бочку дёгтя. Во времена первой Великой войны колдун чуть ли не каждый день являлся к Великому Морскому Владыке, и его предложения по спасению мирного населения Южного континента потребовали от правителя колоссальных жертв и усилий. Об одной жертве сердце Великого Морского Владыки скорбело до сих пор и скорбеть будет вечно.

В последний раз колдун из чёрной жемчужины пугал господина страшными известиями примерно шесть тысяч лет назад и с тех пор не сильно ему докучал; так, портил настроение по мелочам. Ах, как же быстро пролетели эти шесть тысяч лет мирной и безмятежной жизни! По очередному мрачному пророчеству Хоруса, война должна была начаться в ближайшее – по меркам бессмертных – время. Отсюда следовали два вывода. Во-первых, время в запасе ещё есть. Во-вторых, война неизбежна. Увы! Все пророчества колдуна обязательно сбывались.

Наверное, вы уже задаётесь вопросами: при чём тут серые жемчужины? чёрная жемчужина? пророчество колдуна Хоруса? И, разумеется, главный вопрос: что всё это значит? Давайте ответим на них и узнаем всё по порядку, а для этого нам надо вернуться на семь тысяч лет назад во времена, непосредственно предшествовавшие первой Великой войне.

Часть первая. Чёрный властелин. Начало

Ссылка Мауроса

- *Что там?*
- *Тайник.*
- *Любопытно.*

Последнюю Великую войну на Южном континенте начал Чёрный Властелин. Имя его было столь ужасно, что при жизни тирана его мало кто решался называть, а после его смерти постарались быстрее забыть. Лишь немногие из бессмертных помнят его и могут назвать, но вряд ли они захотят это сделать без особых на то причин. Точнее, имён было два: одно принадлежало телу, а другое – душе.

Чёрный Властелин в своём полном облике появился на северо-западе Южного континента. Мрачные места: там часто идёт дождь или по земле расстилается густой желтоватый

туман. На каменистой почве практически ничего не растёт, кроме мхов, колючек, сорняков и лишайников. Жить там невозможно, да никто в тех краях добровольно и не селился. Считалось, что не было там ни деревень, ни городов, ни поселений, или о них просто не знали. Туда веками ссылали преступников, причём делали это почти все народы континента, не сговариваясь, так как земли эти ввиду их полной непригодности никому не принадлежали. Полагали, что преступники обречены на долгую и мучительную смерть в наказание за совершённые злодеяния. Как выяснилось позже, это было большим заблуждением.

Однажды сослали туда и Мауроса. Был он из племени эльфов и по меркам своего народа считался ещё юношей. Нрав он имел трусоватый и отчаянный одновременно, несговорчивый, замкнутый, резкий и весьма мстительный, но далеко не самый плохой среди соплеменников. В один злополучный день его обвинили в страшном преступлении: якобы убил он своего родного дядю по материнской линии с целью завладеть его драгоценностями. Все улики и свидетели указывали на него, невиновность свою доказать он не смог. Да ещё роковую роль сыграла предвзятость судьи. Согласно закону выслали его в северные земли без права возвращения, то есть отправили на верную смерть. Но гибель в столь раннем возрасте в планы его никак не входила. Сердце его жгла обида, ибо не совершил он того преступления, в котором его обвинили. А порой нет никого страшнее осуждённого без вины. Жажда мести поддерживала в нём жажду жизни. Он не знал, по чьему злему умыслу попал в беду, и винил сначала свидетелей, судей и присяжных. Добравшись до северных земель и увидев, на какую ужасную смерть его обрекли, проклял он весь народ свой, а потом и другие народы, населявшие Южный континент, и поклялся жестоко отомстить.

Стражники подвели его к мосту через пограничный ров, поставили на лоб клеймо высланного навеки преступника и сообщили, что этот мост он перейдёт в последний раз. Обратного пути у него не было. Поблуждав несколько дней по гиблым землям, вышел он к огромной боевой крепости. Её со всех сторон, словно вторым оборонительным кольцом, окружали невысокие холмы, светившиеся красноватым сиянием. Вид она имела мрачный, что, впрочем, гармонировало с окружающей природой. Само поселение располагалось внутри, за высокой стеной из чёрных камней и глубоким рвом.

Осуждённого Мауроса после краткого допроса впустили в крепость и снова повели на суд. Там решался самый важный вопрос: разрешить ли вновь прибывшему поселиться в крепости или выгнать его за ворота. Фактически речь шла о его жизни и смерти: в крепости шансы выжить были высоки, а за её стенами равнялись нулю. Суд состоял из четырёх самых авторитетных преступников, им же принадлежала власть в крепости. Вы удивитесь, как могли они править вчетвером и не перегрызть друг другу глотки из-за власти. Удивляться нечему. Грызлись они постоянно, а время от времени одного, а то и двоих из четверых убивали. Но на их место тут же избирали новых. Общее число судей-правителей всегда равнялось четырём. Для Мауроса это поначалу являлось загадкой, но вскоре он сумел её разгадать.

Этот суд, в отличие от предыдущего, оказался к нему благосклонен и дал разрешение поселиться в крепости. Жильё ему, правда, выделили самое убогое: мрачный подвал под главной сторожевой башней с единственным крохотным окошком под потолком. Видно в него ничего толком не было, а вот вода заливалась регулярно при любом, даже лёгком дожде. Стенка под окном вечно была мокрая, отчего штукатурка постепенно отваливалась. Бросалось в глаза, что предыдущего хозяина подвала это не смущало, и попыток улучшить жильё он не предпринимал. Эльфы по природе своей народ чистоплотный и аккуратный. Ни один эльф, даже ссыльный, в хлеву жить не станет. Поэтому Маурос решил отремонтировать новое жилище и обновить штукатурку на стенах. Времени у него имелось достаточно.

Провожатый, тоже сосланный эльф, объяснил, что тринадцать дней его никто не побеспокоит, так как по законам крепости Мауросу положен отдых после стольких мытарств и трудного пути. Потом его начнут привлекать к караульной службе, уборке, растопке печей и дру-

гим общественным работам. Однако не сказал этот эльф Мауросу одну любопытную вещь: всех вновь прибывших селили на тринадцать дней в этот подвал, потом их переводили в новое жильё, а подвал пустовал до следующего постояльца. Эльф и сам толком не знал, для чего это делалось, но так было всегда и от новичков держалось в строжайшей тайне. Эльфа в своё время также поселили в этот мрачный подвал, но ничего страшного или примечательного с ним там не произошло. Он только, как дурак, покрыл стены новой штукатуркой, полагая, что поселили его в этот каменный мешок навсегда.

Чтобы положить новый слой штукатурки, следовало до основания соскрести старый. Этим первые два дня Маурос и занимался. Утром третьего дня работа была закончена. Странно, но именно в это время над крепостью показалось солнце, что случалось здесь крайне редко. Только благодаря этому эльф кое-что заметил: все стены в его подвале выложили из крупных чёрных камней, но часть стены под окном сделали явно позже. Камни в ней оказались немного меньше. Он быстро догадался: новая кладка закрывала тайный проход, недавно замурованный.

Что скрывалось за этой стеной? Из всех чувств, присущих разумным существам, любопытство является одним из самых сильных. Терять эльфу было нечего, занятий, собственно говоря, тоже практически не было, вот он и решил разрушить стену и узнать, что за ней находится. При этом он совершенно не задумывался о возможных последствиях. После обрушившихся на парня бед и неприятностей у него и страха-то, можно сказать, не осталось, ибо считал он, что ничего хуже с ним произойти уже не может. Как же он заблуждался! Самое плохое и страшное поджидало Мауроса именно за этой стеной.

Железная книга

- Это коробка.
- Нет, книга!
- А я говорю, коробка!
- Если читать не умеешь, то коробка.

Стена оказалась на удивление тонкой и поддалась сразу. За ней находилась железная дверь с примитивным замком. Эта простота смутила эльфа. Обычно путь к сокровищам изобилует преградами, ловушками и заклятиями. Здесь всё оказалось подозрительно легко. Вероятно, за дверью не хранилось ничего ценного. Но тогда зачем её кто-то замуровал? Пока вопросов было больше, чем ответов. Попытавшись найти логичное объяснение, эльф замер у приоткрытой двери, не решаясь сделать последний шаг. Смутное предчувствие, интуиция или слабый внутренний голос пытались его остановить. Но что они могли против любопытства? Они были слишком ничтожны, чтобы противостоять этой великой силе. Увы! Любопытство сгубило не только кошку из поговорки. Жертвы его могут составить миллионные армии во всех известных и неизвестных мирах.

Маурос открыл дверь и перешагнул порог маленькой круглой комнаты. В стене имелось четыре ниши. В каждой стоял подсвечник с толстой чёрной свечой. Как только эльф вошёл в комнату, свечи ярко вспыхнули сами собой, рассеивая тусклый голубоватый свет, которого оказалось достаточно, чтобы понять, что смотреть здесь не на что. Стены и сводчатый потолок были абсолютно серыми и гладкими: ни картин, ни фресок, ни мозаик, ни рельефов, ни надписей. Сундуков с сокровищами эльф также не увидел. Однако комната не была совершенно пуста. Строго в центре на железном диске, напоминавшем крышку колодца, стояла тренога, а на ней лежала железная коробка. Рядом на кованой подставке в виде клубка змей покоился чёрный кристалл причудливой формы. Подойдя ближе, эльф понял, что это вовсе не коробка, а книга.

Впервые он видел такую странную книгу. Она была из железа и имела всего три страницы. Маурос принялся изучать её. На первой странице содержался «Устав крепости изгоев», вторая описывала «Приход Чёрного Властелина», а третья оставалась абсолютно пустой. Прочитав устав крепости, эльф сразу нашёл ответы на многие вопросы.

Устав крепости изгоев

1) Вы враги всем, все враги вам.

Это первое и главное правило изгоя. Вас предали, проклинали и обрекли на верную смерть бывшие собратья. Прокляните и вы их, ибо заслужили они это и проклинали вас первыми. Предайте род свой, ибо нет для вас другой семьи, кроме изгоев, и иного отца, кроме Чёрного Властелина. В душах своих приговорите их к смерти, ибо придёт Чёрный Властелин, а с ним и час расплаты.

2) Приближайте час отмищения.

Молитесь ему. Думайте о нём. Готовьтесь к нему. Услышаны будете вы. И придёт Чёрный Властелин. И будет править вами. И соберёт войско несметное. И завоюет всю землю.

3) Все покорятся вам. А вы лишь Чёрному Властелину покорны будете.

До прихода его править вами должны четверо. Выберите их сами. Число сие должно оставаться неизменным. Пусть головы их венчают эти четыре железные короны.

Однако никаких корон в комнате Маурос не увидел. Сперва это удивило эльфа, но потом он вспомнил странные железные обручи с кривыми зубцами на головах четырёх судей. Короны они напоминали меньше всего, а походили на рваные ошейники для свирепых псов, только сделанные не из кожи, а из железа. Это хотя бы объясняло, кто побывал здесь до него, кто замуровал стену и почему правителей крепости всегда было четверо.

4) Крепость сия – дом ваш единственный. Не будет более у вас дома иного.

Чёрный Властелин, как заботливый отец, обеспечил чад своих всем для жизни земной. Дал он кров вам надёжный. Дал еду и одежду. Дал оружие. Только благодаря ему живы вы до сих пор. Справедливой платой за жизнь будет преданное служение до конца ваших дней. Никто, кроме верных слуг Чёрного Властелина, не может жить в крепости. Остальные должны быть убиты. До прихода законного правителя лишь клятва станет залогом их верности. Когда же придёт Чёрный Властелин, то у верных слуг на теле появится особый знак. Все, кто без знака, суть предатели. Заслуживают они лишь смерти.

5) Крепость держится на одном слове и четырёх каплях верной крови.

В славный день прихода Чёрного Властелина четверо его самых верных слуг прольют кровь свою. Она напитает крепость силой, которая в сто крат умноженной вернётся к вам и залогом будет великих побед во имя Чёрного Властелина. Четыре капли верной крови дадут ей четыре волшебных свойства и сделают неприступной.

6) Живы четверо верных слуг, цел камень с главным словом – жива и цела крепость.

Камень с главным словом – сердце крепости и Чёрного Властелина. Берегите его как великое сокровище, ибо без него лишитесь вы правителя и последнего дома и обречены будете на смерть мучительную.

Прочитав эти слова, Маурос с подозрением посмотрел на чёрный кристалл. В принципе его можно считать камнем, только никаких слов на нём не написано. Он присмотрелся к кристаллу внимательнее. На ровных гранях не было ни царапины. Он поблескивал и переливался в голубоватом свете чёрных свечей. То ли из-за их дрожащего пламени, то ли из-за игры воображения эльфу показалось, что кристалл не просто переливается, а пульсирует, словно бьющееся сердце. Это его смутило и напугало. Хотя трусом он себя никогда не считал, но решил, что кристалл лучше не трогать: «Так благоразумнее. Возможно, это тот самый камень, возможно, нет, но он явно волшебный. Те, что взяли короны, кристалл почему-то не тронули».

Поразмыслив немного, Маурос решил продолжить читать книгу. Она не кусалась, хотя, как известно, за некоторыми волшебными книгами это водится, и давала ответы на многие вопросы о таинственной крепости, о которой в то время на Южном континенте никто ничего не знал.

7) Чёрный Властелин – единственный хозяин ваш, Повелитель ваш и Великий Владыка ваш.

Нет и не будет у вас другого Повелителя, хозяина и Великого Владыки. Молитесь ему. Служите ему. Живите для него. Умрите ради него. А про всё остальное забудьте, ибо не существует для вас ничего иного.

8) Имя Чёрного Властелина священо.

Чтобы грязные рабы не трепали имени его все, неведомо оно им будет. Суровое наказание ждёт того, кто дознается до имени Повелителя. Страшная кара уготована тому, кто осмелится произнести его. Неминуемая смерть постигнет того, кто передаст это имя врагам.

9) Не почитайте ни отца, ни мать, ибо нет их у вас больше.

Существует для вас лишь Чёрный Властелин, его и почитайте превыше всего.

10) Что можно вам совершать, а что не разрешено, решает только Чёрный Властелин. Если дорога вам жизнь ваша, то слушайтесь его беспрекословно. Подчиняйтесь любому слову его. Скажет убить – убьёте, украсть – украдёте, разрушить – разрушите. Ибо незачем вам существовать, иначе как только для служения ему.

ВЫ РАБЫ ЧЁРНОГО ВЛАСТЕЛИНА. ОН ХОЗЯИН ВАШ. ДА БУДЕТ ТАК ВО ВЕКИ ВЕКОВ.

Последняя прочитанная часть вызвала в душе у Мауроса бурное негодование. Эльфы от природы народ свободолюбивый. У них нет рабов, и сами они рабами не становятся. Нет в них рабской покорности. Они предпочитают любому рабству смерть, если только их не угнали в плен детьми. Эльф возмутился: «Мы так не договаривались! Меня приговорили к смерти, а не к рабству. Если наше слепое правосудие не может выполнить даже свои несправедливые решения, то я сделаю это за него. Так, почитаем ещё раз, что там надо совершить, чтобы заслужить смерть. Дожили! Смерть надо заслужить!»

Маурос внимательно перечитал «Устав» и пришёл к утешительному выводу: поводов умереть предостаточно. «Эх! Если бы они описали все возможные варианты смертных казней, то было бы совсем хорошо, – раздосадованно подумал эльф. – Смерть – штука важная. Умирать абы как не хочется». С другой стороны, к роковому шагу его пока никто не подталкивал. Ошейник раба на него не надели и вроде бы не собирались. Этого общепринятого символа рабства эльф ни на ком в крепости не видел. Следовательно, смерть временно откладывается и, похоже, до прихода Чёрного Властелина. «Подождём. Видно, ко мне они придут одновременно, – решил эльф. – А пока посмотрим, что умного написали на второй странице».

Приход Чёрного Властелина

1) В великий день сей над крепостью в последний раз взойдёт солнце, ибо не нужно оно вам будет больше. Жизнь вашу собой озарит Чёрный Властелин.

«Я ваш отец, я ваша мать, я ваш Великий Владыка, я ваше солнце, я ваше всё! Что он о себе возомнил?!» – возмутился эльф, до сей поры не сталкивавшийся со столь гипертрофированным эгоцентризмом.

2) Будет он из рода земных бессмертных.

Маурос задумался: бессмертными принято называть тех, кто сохраняет вечную молодость или тот возраст, который соответствует возрасту его души, не умирает от болезней и незначительных ран, а главное – от физической старости, только от старения души. К таким бессмертным можно было отнести эльфов, колдунов, драконов, русалок и великанов. Духов природы и Великих Правителей Стихий следовало рассматривать отдельно. Они по праву считались «высшими» или «абсолютными» бессмертными.

Пожалуй, из всех вышеперечисленных они и были самыми настоящими бессмертными. Жили они на Южном континенте дольше всех, а возможно, даже всегда, точно этого никто из эльфов не знал. И если всех остальных можно было убить мечом, ядом или смертельным заклинанием, то на Великих Повелителей Стихий эти способы не действовали. Маурос не ведал, что Великие Повелители Стихий являются подлинными бессмертными. Они живут даже дольше, чем созданный ими мир. Когда приходит срок гибели одной планеты, они перемещаются на другую. Эта пугающая, горькая правда о конечности Вселенной известна только им, а они надёжно охраняют свой секрет. Великие Повелители Стихий всем давно известны. Каждый

из них обладает своеобразным характером, но злодеев среди них нет. Все они стремятся к миру, покою и гармонии. Другое дело, что способы их достижения они выбирают разные, и на протяжении тысячелетий у них никак не получается прийти к цели. Утверждают, правда, что Великому Морскому Владыке удалось добиться полного мира и порядка в подводном царстве, жители которого уже несколько тысяч лет не вели никаких войн, но в это верилось с огромным трудом. Тысячи лет без войны – это нонсенс. Идея всеобщего порабощения Великим Владыкам совершенно чужда.

Эльф сразу исключил из списка претендентов на роль Чёрного Властелина великанов. Несмотря на дар бессмертия, они благополучно вымерли из-за какой-то жуткой природной катастрофы, которая стёрла их город-государство с лица Земли. Так говорилось в древних преданиях. Маурос снял все подозрения с русалок: ну какой может получиться поработитель и кровожадный завоеватель из этих добрых и легкомысленных морских красавиц? На Южном континенте раньше существовали два вида драконов: чёрные и красные. Однако дракон не мог стать чьим бы то ни было Властелином, так как от природы драконы немые и туповатые, они ближе к животным, чем к разумным существам. Они сами всегда находились у кого-то в подчинении. Вот только их уже несколько тысяч лет никто не видел. Кроме храбрых рыцарей, которые время от времени отправлялись на охоту за ними. В качестве трофеев они привозили что-нибудь невразумительное, уверяя всех, что это кости, зубы или кожа дракона. По загадочным причинам никто из них так и не удосужился довести до королевского двора более убедительный трофей, голову, например, или лапу. Но благородным рыцарям верили на слово. Во времена Мауроса перевелись то ли рыцари, то ли драконы, и на охоту за крылатыми змеями больше никто не ездил. Ходили слухи, мол, драконы нашли тайное убежище и там спрятались. Поговаривали, будто им покровительствует один из Великих Повелителей Стихий, но более точно ничего известно не было.

В итоге оставались колдуны и эльфы. «Скорее всего, этот Чёрный Властелин будет из колдунов», – рассудил Маурос. Он всегда относился к колдунам с подозрением. Они обладали сверхъестественными способностями: могли накладывать заклинания, перемещаться в пространстве, заглядывать в будущее, передавать мысли на расстоянии, лечить раны и болезни, отыскивать клады и, говорят, много чего ещё. Кроме этого, колдуны владели древней мудростью и обширными знаниями. Звёздное небо являлось для них и календарём, и картой, и открытой книгой предсказаний. Они понимали язык зверей и птиц, а некоторые – язык камней. Они были способны управлять погодой: по желанию вызывать дождь, град, грозу, туман или ветер. Тут, однако, действовали они крайне осторожно и осмотрительно, дабы не навлечь на себя гнев Великих Повелителей Стихий. Семеро самых мудрых и могущественных из них составляли Совет Семи Мудрецов, который фактически правил колдунами. Символом Совета являлась сова. Семеро носили на шеях массивные золотые цепи, на которых поблескивали золотые совы с глазами из драгоценных камней. Члены магического братства обладали разными характерами. Некоторые колдуны, например толстяк Перелинус, были добрыми, отзывчивыми, всегда готовыми помочь всем без исключения. Но встречались среди них и злобные натуры. О злопамятности, вспыльчивости и вредности Герруса ходили легенды. Им даже пугали непослушных детей в эльфийских поселениях. Однако большинство из них не впадали в крайности, предпочитали жить в тишине и покое, подальше от остальных существ, населявших Южный континент.

Маурос считал, что колдуны могли бы захватить власть над всеми жителями Южного континента и давно бы это сделали, если бы не Великие Повелители Стихий, которые отрицали идею единоличного господства и полагали, что все народы должны жить сами по себе, не подчиняясь и не подчиняя себе других. Войны, достаточно часто вспыхивавшие на континенте, заканчивались вмешательством одного или нескольких Великих Владык, которые без

особого разбора сурово карали и правых, и виноватых. Казалось, они стремятся уберечь виды разумных существ от взаимного истребления.

Что касается самих эльфов, то идея господства над другими народами оказалась им в принципе не чужда. Они были убеждены, что двумя племенами они смогут править достойно, разумно и справедливо. Жизнь эльфам отравляли люди Дезэры и люди Мерморта, затевавшие войны с соседями из-за неуёмной алчности. Это не могло не возмущать эльфов, особенно когда ко всем прочим бедам они получали наказание от Великих Повелителей Стихий, пожёлавших в свойственной им манере урегулировать конфликт. Чаще всего веское слово произносил Великий Повелитель Плодородия. Он морил воюющие стороны голодом, призывая тем самым перековать мечи на орала и заняться более полезным делом. Из любви к правде признаем, что люди были далеко не единственными поджигателями войн на континенте. В роли зачинщиков выступали огры, тролли и гоблины, но в силу недалёкого ума и внутренней разобщённости их хватало лишь на единичные, хотя и крайне жестокие набеги. Вести длительные, стратегически и тактически продуманные войны огры, тролли и гоблины не могли, в отличие от людей. Кстати, идеи поработить их у эльфов никогда не возникало. Они разумно полагали, что иметь в подчинении таких рабов – себе дороже.

Взвесив все за и против, Маурос окончательно убедил себя в том, что Чёрным Властелином окажется колдун. Мысленно он посочувствовал жителям Южного континента, но сочувствие к другим в его сердце сменилось на жалость к себе, несправедливо осуждённому на верную смерть, а на её место пришли гнев, ненависть и жажда мести. «Приди, Чёрный Властелин! Я жду тебя! Час отмщения пробил!» – воскликнул эльф. Пламя свечей внезапно погасло, но уже в следующее мгновение разгорелось с новой силой. Больше ничего странного не произошло. Маурос постоял минуту, словно в забытьи, а потом вспомнил про таинственную книгу. Мысли его забрели столь далеко, что он совершенно забыл, где находится и что, собственно, здесь делает. Он принялся читать дальше.

3) Воззовёт он к Чёрному Властелину и молитвь будет его обрушить гнев на врагов своих, не ведая того, что сам он и есть Чёрный Властелин.

Это показалось эльфу бредом: как можно не знать, что ты Чёрный Властелин, способный покорить весь Южный континент и противостоять Великим Повелителям Стихий? Холодок пробежал у него по спине. Он с ужасом вспомнил, что мгновение назад сделал именно то, о чём говорилось в книге. Он позвал Чёрного Властелина и попросил об отмщении. «Спокойно! Это ничего не значит. В крепости все об этом просят, даже те, кого приговорили к смерти за дело, а не как меня – совершенно несправедливо», – успокаивал себя эльф.

4) Будет он жестоко предан своим народом и осуждён безвинно, за что спросит потом с обидчиков великую цену.

«Ещё одно совпадение», – с тревогой подумал Маурос. Он вдруг вспомнил о первом пункте: «В великий день сей над крепостью в последний раз взойдёт солнце». Эльфу как-то сразу расхотелось иронизировать. Он знал, солнце в этих краях показывается раз в сто лет по обещанию. Если бы его луч не проник в мрачный подвал, то он ни за что не обнаружил бы тайную комнату. «Вдруг я и есть Чёрный Властелин? Я из рода земных бессмертных. Осудили меня за преступление, которого я не совершал. Народ мой меня предал и отвернулся от меня. Отомстить всем безумно хочется. Ещё это солнце... Стоп! Я уже решил, здесь говорится о колдуне. А я вовсе не колдун». Последний аргумент успокоил эльфа. «Фух! – вздохнул он с нескрываемым облегчением. – Можно спокойно читать железную книгу дальше. Эта пророческая бредятина меня не касается».

5) Не будет он знать ласки и заботы отца с матерью, ибо сиротой останется во младенчестве,

– с трудом дочитал эльф и вцепился в треногу. Его била мелкая дрожь. Перед глазами стоял туман. Мысли со скоростью света разбегались в разные стороны и собираться в единое целое отказывались. Последнее совпадение оказалось куда серьезнее предыдущих.

Заброшенная шахта

- Это шахта и древний колодец.
- Ух ты!
- Держи его! Он всё разрушит! Стой!
- Поздно. Шахты нет. Хоть колодец остался.

Маурос рос круглым сиротой, хотя когда-то у него была обычная семья. Жил он вместе с отцом, матерью и прочими родственниками в эльфийском поселении Ферлатис. Родители его погибли в один день, когда ему не исполнилось и года. На воспитание малыша взяли старший брат отца с женой, растившие двух собственных дочерей. Нельзя сказать, чтобы в детстве его обижали или притесняли. Не испытывал он нужды ни в чём, однако и любви к нему никто не проявлял, скорее равнодушие. Тётя Ронеса и дядя Эусебио относились к воспитанию племянника как к своему родственному долгу. Ну не бросить же сироту на улице! Могли осудить соседи. А так растёт себе и растёт, одет, обут, кровом обеспечен. Чего ещё надо? Чаще всего он слышал: «Отстань. Не докучай. Видишь, сейчас не до тебя». Такое равнодушие обижало маленького эльфа, но со временем он привык и почти перестал жалеть и думать о том, что с родителями ему было бы лучше, что его любили бы, что кто-то считал бы его самым дорогим на свете.

Родителей он видел на большом семейном портрете в доме Эусебио. Мать звали Долорес. Она отличалась благородными чертами лица и красотой, отец же внешность имел весьма заурядную, зато был крайне умен и порядочен. Видимо, за это его и полюбила гордая красавица Долорес. Отца звали Маурисио. Он работал рудокопом в шахте. Эльфу все говорили, что красотой он пошёл в мать, умом – в отца, а потом смеялись и добавляли с издёвкой: «Пойти-то пошёл, да вот не дошёл. На полпути остановился». Действительно, Мауроса нельзя было назвать ни особенно умным, ни особенно красивым.

Погибли его родители в результате несчастного случая. Виноватых в их смерти не нашлось. Точнее, виновник был, но об этом очень долго никто ничего не знал. Отец работал в шахте, где добывали железную руду. Примерно за год до гибели Маурисио сам обнаружил богатую жилу. К разработке её подошли основательно. Стены нового прохода в шахте укрепили по всем правилам. Ничто не предвещало беды.

В тот злополучный день мать принесла отцу обед и, вместо того чтобы по обыкновению передать еду с другими рудокопами, сама решила спуститься к нему в шахту. Уцелевшие эльфы рассказывали, что, как только подошла она к любимому мужу, раздался страшный скрежет и гул. В одно мгновение свод шахты рухнул и похоронил их под собой. Тела погибших так и не нашли, несмотря на все старания, поэтому у Мауроса не было даже могилы родителей, на которую он мог бы прийти в час печали и скорби. В трудные минуты он прибегал к заброшенной шахте и пытался мысленно поговорить с ними.

Шахту закрыли лишь спустя некоторое время после гибели его отца и матери. Поначалу ни у кого не возникло такой мысли: слишком богатой была в ней железная жила. Но через сорок дней там начали происходить странные и страшные вещи: то разом гасли все светильники, то раздавались стоны и вой, то в пустом коридоре отчетливо слышались тяжёлые шаги и жуткий смех, то пропадали инструменты. Естественно, это пугало бедных рудокопов. С каждым днём всё больше эльфов отказывалось спускаться в шахту. Страх нарастал. Последней каплей стало исчезновение старшего горного мастера. Он знал шахту как свои пять пальцев и никак не мог в ней заблудиться. Однако, спустившись в неё утром понедельника, вышел он из неё только в пятницу. Все эти дни мастера активно искали, но поиски оказались тщетны. Он нашёлся сам, неожиданно выйдя из тупикового туннеля, который уже несколько раз безрезультатно

обследовали. Мастер был явно не в себе и едва держался на ногах. Он дрожал от страха, плакал, хватал всех за руки и утверждал, что надо закрывать шахту и спасаться. Несчастный метался в горячечном бреду три дня.

К нему позвали колдуна Хоруса, который давно жил среди эльфов и помогал им в трудных ситуациях. Случай со старшим горным мастером удивил его. Хорус попытался погрузить пострадавшего в гипнотический сон, чтобы исцелить и заодно выяснить, что с ним произошло. Только начал он произносить заклинания, как сам рухнул на пол без чувств. Он корчился от боли, извивался всем телом, махал руками, словно отбивался от кого-то невидимого, громко кричал: «Нет! Отпустите! Нет!» Спустя несколько минут колдун успокоился, затих, потом резко открыл глаза и поднялся. Он окинул всех странным взглядом и произнёс: «Ему никто не поможет. Он обречён. Да и мне теперь тоже не помочь. Для всех вас есть одна надежда на спасение, и она в море». Больше ничего не сказал Хорус. Вечером третьего дня, так и не приходя в себя, старший горный мастер умер.

Колдун закрыл свой дом, на глазах у всех наложил на дверь охранное заклятье и с маленьким узелком в руках ушёл в сторону моря. Три дня он сидел на краю обрыва, свесив ноги в бездну. Не отрываясь, смотрел он в морскую даль и постоянно что-то шептал. На закате третьего дня со стороны моря раздался страшный гул, на берег пошла огромная волна, а вдалеке из моря взмыли вверх три водяных столпа. Они образовали трезубец – символ Великого Морского Владыки. Тогда Хорус вскочил, схватил узелок и бросил его с обрыва в море. Затем колдун повернулся и прошёл сто шагов до колодца, считавшегося очень древним сооружением. В поселении не знали, кем и когда он был построен, а главное – для чего. Ходило много слухов о том, что к его созданию причастны первые жители континента. Эту версию подтверждал узор на верхней кромке из загадочных знаков и символов. Прочитать их никто не мог, даже колдун Хорус. По крайней мере, он сам так утверждал и читать надпись отказывался. Иероглифы являлись характерной чертой всех сооружений исчезнувшей цивилизации. Чаще всего они встречались в пещерах, которые местные жители благоразумно обходили стороной. Загадочный колодец в Ферлатисе легендарные первые поселенцы вырыли на обрывистом берегу всего в нескольких метрах от моря. Глубину он имел огромную, какую точно – установить не удалось, хотя эльфы не раз пытались его промерить. Воды в нём никогда не находили. Подойдя к нему, Хорус сначала заглянул вниз, а потом головой вперёд бросился в чёрную бездну.

Естественно, череда трагических событий взбудоражила поселение эльфов. Разговоры велись только о злополучной шахте и странных смертях, связанных с ней. Если гибель родителей Маураса воспринималась как трагический, но объяснимый несчастный случай, то смерть горного мастера была окутана ужасной тайной и не походила на обычную кончину, как и последовавшее за ней самоубийство Хоруса. Смерть колдуна – это неслыханное событие. Кончина Хоруса послужила последней каплей и вызвала панику. Многие эльфы собирали пожитки и бежали с насиженных мест куда глаза глядят. Правда, панике поддались не все. В поселении осталась треть жителей. Одна половина из них верила, что всё плохое уже позади. Другую половину можно было считать фаталистами. Они рассуждали так: «Если неведомые злые силы ополчились против нашего народа, то рано или поздно они нас достанут, где бы мы ни находились, в таком случае лучше встретить врага, смерть и другие неприятности в родном доме, чем на чужбине». Что-то в этом роде думал и дядя Маураса. В результате вся семья осталась в Ферлатисе.

Невероятные слухи о таинственных и ужасных событиях, произошедших в Ферлатисе, быстро распространились по двум эльфийским королевствам и за их пределами. Хотя правда была до крайней степени невероятна и больше походила на вымысел, её по старой традиции пытались приукрасить, передавая из уст в уста. В итоге тысячу раз пересказанная, дополненная, переделанная и перевёрнутая с ног на голову история полностью утратила хоть какую бы то ни было связь с реальностью и походила на бред сумасшедшего. До противоположного края

континента дошла следующая версия: колдун Хорус сошёл с ума, устроил обвал в шахте, отравил старшего горного мастера, пытался уничтожить поселение эльфов, а когда ему это не удалось, с досады бросился с обрыва в море, громко проклиная Великого Морского Владыку.

И в эти небылицы многие верили! Пожалуй, подлинную историю знали только жители Ферлатиса и их ближайшие соседи.

«Да, чем дальше от первоисточника, тем больше лжи и обмана», – подумал Маурос. Воспоминания о смерти родителей и последовавших за этим загадочных и ужасных событиях вызвали у эльфа очередной приступ жалости к себе: «Эх! Жизнь меня никогда не баловала. Сначала сирота и нелюбимый приёмш, потом без вины осужденный преступник и изгой, обречённый на смерть в пустыне. Счастливчик. Нечего сказать! Завидуйте мне все до смерти. А лучше умрите, мне будет приятнее. Вот придёт Чёрный Властелин... Да, кстати, о нём. Что там дальше написано?»

Совет Семи Мудрецов

- Смешные они и несуразные.
- Зато какие важные, смотри.
- А зачем им эти балахоны?
- Это мантии.

б) Увидят его семь мудрецов, но, несмотря на мудрость свою, не поймут, кто перед ними,

– прочитал Маурос шестой пункт. «Хоть тут не угадали! – с облегчением подумал эльф. – Я же понял, что Чёрный Властелин – это колдун». Правда, через минуту он вспомнил, что тётка Ронеса рассказывала, как после гибели Хоруса в поселение явился Совет Семи Мудрецов в полном составе. Она утверждала, что и её позвали на встречу с колдунами, чтобы она подробно рассказала о гибели родителей Мауроса. Если верить ей, то приглашали и дядю Эусебио, но он отказался. Однако она ни словом не обмолвилась, видели ли колдуны несчастного сироту. Сам он, разумеется, ничего о тех событиях не помнил в силу своего малого возраста. Поразмыслив немного, Маурос решил, что вероятность встречи с мудрецами категорически отрицать нельзя. В то время за ним обязательно кто-то должен был присматривать. Не оставишь же годовалого младенца одного. Следовательно, либо он сидел дома под присмотром дяди Эусебио, либо тётя Ронеса потащила его с собой. Вероятность совпадения – пятьдесят процентов, а это уже немало.

Через несколько дней после гибели Хоруса у ворот Ферлатиса появились семь колдунов. Стражник утверждал, что откуда ни возмись перед сторожевой башней образовалось золотистое облачко. Оно плавно опустилось, и из него на дорогу, ведущую к поселению, вышли семь седовласых старцев в длинных мантиях. Только слепой не узнал бы в них колдунов. Один из прибывших, старик с длинной седой бородой, обратился к стражнику:

- Скажи-ка, любезный, в этом поселении проживает колдун Хорус?
- Да, жил он здесь. Вот только третьего дня бросился головой в старый колодец и то ли утоп, то ли разбился.
- Как утоп?!
- Как разбился?!
- Видимо, совсем. Мы даже тела его не нашли.
- Значит, не ввали смертные. Ситуация крайне серьёзна! Предлагаю пройти к дому Хоруса и всё разузнать, – обратился колдун с самой длинной седой бородой к своим спутникам.

Великолепная семёрка вошла в ворота Ферлатиса. Останавливать мудрецов, разумеется, никто и не пытался. Более того, знающие эльфы тут же смекнули сами и передали остальным, что к ним в поселение пожаловал Совет Семи Мудрецов. Их легко можно было узнать по массивным золотым цепям с совой. Один из стражников вызвался проводить почётных гостей, те восприняли это как должное, а не как любезность, и последовали за провожатым. По дороге мудрецы продолжали начатый ранее разговор, больше напоминавший спор.

– Вы, Галисиус, должны были узнать о трагедии раньше, если вновь не пренебрегали бы служебными обязанностями. Вам поручено ответственнейшее дело – наблюдение за свечами жизни собратьев! А вы чем занимались?

– Я уже говорил. В созвездии Кита появилась хвостатая звезда. Мне надо было в этом разобраться.

– Это абсолютно не ваше дело, Галисиус! За звёздным небом слежу я, а не вы! Я великий звездочёт!

– Из вас звездочёт, как из...

– Овесиус, приглядывайте за своими растениями и зверушками! А вы, Галисиус, ничего не смыслите в небесных сферах.

– Я многое знаю о звёздах! Год назад именно я рассказал вам о «копье Армарса» и показал это редчайшее явление. Вы о нём даже не слышали.

– Меня до сих пор терзают сомнения, не было ли это пресловутое копье плодом вашего воображения.

– Нет! Это важный небесный знак! Я показывал вам древнюю книгу, где подробно описано это страшное знамение. Оно появляется раз в тысячелетие.

– Зато хвостатые звёзды у вас так и сыплются с неба!

– Сфериклус, я честно видел хвостатую звезду в созвездии Кита!

– Галисиус! Вы видите уже третью хвостатую звезду за последний месяц. Поймите, это невозможно. Я проверил и перепроверил ваши заявления. И знаете, к какому выводу я пришёл?

– Что из вас звездочёт, как из навоза...

– Вот и занимайтесь своим навозом, Овесиус! Звёздное небо для вас недостижимо высоко, как и для Галисиуса! Я уверен, на линзе вашего телескопа есть небольшая трещина, которую вы и принимаете за хвостатую звезду, появляющуюся в любом созвездии, на которое вы смотрите.

– Нет! Уверю вас, никакой трещины у меня в телескопе нет. А хвостатые звёзды – это важно! Это символы и предвестники надвигающейся беды! Вот одна беда уже случилась: погиб наш собрат Хорус. Я вовремя увидел предзнаменование.

– Если бы вы, Галисиус, смотрели за свечами жизни колдунов, в которых вы с горем пополам разбираетесь, а не за звёздами, в которых вы ничего не смыслите, то, вероятно, беды удалось бы избежать, и Хорус ещё был бы жив.

– Золотые слова, Верасиус!

– Вы, Сфериклус, не упустите случая подлизаться к руководству, как навозная му...

– Подавитесь вы своим навозом, Овесиус! Верасиус прав. Каждый должен исполнять свои обязанности. Галисиус пренебрёг своими. В результате мы не только не узнали, что наш собрат попал в беду, не смогли прийти к нему на помощь и спасти, но и не сразу получили новость о его смерти. Совет Семи Мудрецов узнаёт о гибели колдуна спустя целых три дня от простых смертных! Это позор! Это катастрофа! Это несмыслимое пятно на нашей репутации! И получили мы всё это по вашей вине, Галисиус. Сколько дней вы не следили за свечами?

– Точно не знаю. С ними тысячу лет ничего не происходило. Последний раз пламя одной свечи жизни дрожало и коптило триста лет назад, когда Сфериклус слезал с астрономической башни, упал и сломал ногу.

– Спасибо, что напомнили.

– Я так увлёкся погоней за хвостатой звездой, что потерял счёт дням.

– Мы тут все умрём, а этот ротозей даже не заметит! Это как...

– Овесиус! Когда вы умрёте, я лично насыплю на вашу могилу кучу навоза!

– А я ничего не хотел сказать про навоз.

– В кои-то веки! Даже не верится.

– Овесиус! Сфериклус! Галисиус! Господа! Прекратите этот бессмысленный спор, приправленный навозом. Произошло страшное событие: погиб Хорус, один из самых могущественных колдунов братства. Я, конечно, не поверил в полоумный бред смертных, но гибель его выглядит весьма загадочно. Давайте оставим на время упрёки и разногласия. Обратим нашу силу и мудрость на поиски истины.

– Золотые слова, Верасиус!

– Подхалим.

– Замолчите оба!

– Предлагаю выгнать их из Совета.

– Вот, господа, мы пришли к дому нашего погибшего друга Хоруса.

Слова стражника положили конец спору мудрейших и вызвали явное недоумение у Мерелинуса, наблюдавшего по должности своей за тремя разумными народами на Южном континенте. Ему приходилось следить за эльфами, людьми и гномами одновременно. Люди досаждали больше всех, а особенно – люди Мерморта, племя пиратов, не знавших иного ремесла, кроме грабежа. Сравниться с этой работой по сложности могла лишь должность Герруса, присматривавшего за гоблинами, ограм и троллями. Каждый из этих народов был далеко не подарком, а все вместе они приравнивались к катастрофе, что прекрасно объясняло ужасный характер Герруса, о котором ходили легенды. Во время приступов бешенства, вызванных, как правило, сущей ерундой, Геррус кричал, сыпал страшными ругательствами и проклятиями, обещал натравить на оппонентов всех своих подопечных разом, клял на чём свет стоит тот день, когда его «обманом затащили в Совет Мудрецов», а порой даже пытался сорвать с себя золотую цепь с совой и швырнуть её в кого-нибудь. Однако здесь сразу следует внести ясность: никто его туда силой или обманом не затаскивал. Геррус долгое время мечтал занять место в Совете Семи Мудрецов, для чего плёл интриги и заговоры, искал сторонников, убирал с дороги потенциальных противников. Двести пятьдесят лет назад случай ему представился: мудрейшие получили пророчество, источник и содержание которого известны лишь Совету, а последствия – всем: колдун Гендальфиус навсегда отправился в далёкое Средиземье. Геррус решил, что это его шанс, и сумел им воспользоваться. Его избрали в Совет. Верасиус, бессменный глава Семи Мудрецов, не обрадовался этому и с нескрываемым злорадством возложил на Герруса обязанности Гендальфиуса, ибо это являлось сущим наказанием.

Во время того спора мудрейших Геррус не проронил ни слова, хотя в душе уже тридцать три раза проклял и своих собратьев, и эльфов, и всех жителей Южного континента. Особенно досталось от него тупым ограм, которые как раз готовили нападение на пограничное поселение эльфов под названием Локкси. А Геррус никак не мог вмешаться, «потому что торчал здесь с шестью идиотами из-за добровольной смерти одного придурка!» Поглощенный этими мыслями Геррус не заметил, что процессия остановилась, и врехался в колдуна Мерелинуса, замершего столбом посреди дороги. Мерелинус был чем-то удивлён и расспрашивал стражника:

– Вы называете колдуна другом?

– Да. Он всегда был добр к нам, помогал в трудных ситуациях, врачевал. Мы скорбим о случившемся.

– А часто жители поселения заходили в его дом?

– Никогда. Хорус никого не пускал дальше порога.

– Как же он вам помогал?

– Он всегда приходил сам к обратившемуся за помощью.

– А предсказывал ли он кому-нибудь будущее?

– Нет. Он предупредил, что не предсказывает будущее и не воскрешает мёртвых. Воскрешать мёртвых он, видимо, не умел, а вот будущее знал наверняка.

– С чего вы решили?

– У нас говорили: «Если Хорус смотрит на кого-то с грустью и вздыхает, жди беды». Один раз повздыхал Хорус над садовником Медором, так тот упал с высоченной лестницы и жутко покалечился. В другой раз молодой эльф Ирмо утонул, так колдун его за неделю до гибели стал жалеть. Много таких случаев вспомнить можно.

– Да, эмоции он никогда не умел скрывать. Скажи-ка, любезный, после смерти Хоруса кто-нибудь входил в его дом?

– Что вы! Хорус на глазах у всех наложил на дверь охранное заклятие. Желающих умереть или превратиться во что-нибудь ужасное у нас пока не нашлось.

– Благоразумно. Ты свободен. Мы сами во всём разберёмся.

– Постой. Найди нам свидетелей, да потолковее, – вступил в разговор Фламелиус, отличавшийся острым умом, прозорливостью и крайне спокойным нравом.

– Зачем нам свидетели? Мы всё узнаем в доме. Наверняка он оставил нам послание.

– Ах, Галисиус! Он же не хвостатая звезда, чтобы оставлять вам послание.

– Сфериклус, успокойтесь. Сейчас не до ваших острот. Давайте войдём в дом.

Процессия остановилась перед двухэтажным домиком из светлого кирпича. Он ничем не отличался бы от соседних домов, если бы над входом не красовался символ колдунов – семи-конечная звезда в круге, на котором на древнеэльфийском языке был написан девиз братства: «Магия – сила». В центре звезды, согласно правилам, стояла личная печать колдуна. Знаком Хоруса являлась раскручивающаяся вверх спираль – символ древнего диалектического учения. В дом вела массивная дубовая дверь с коваными накладками и витой ручкой. Замка на ней не наблюдалось, что являлось препятствием лишь для простых смертных. Галисиус уверенно произнёс отпирающее заклинание и шагнул через порог. Тут же он больно ударился лбом о закрытую дверь и упал на спину. Бедняга был поднят на смех; особенно злорадствовали Сфериклус и Овесиус. Правда, ещё больше радовался его падению зловредный Геррус, но он молчал, пренебрежительно поджав губы.

Мерелинус помог подняться растерянному Галисиусу и сам попытался открыть дверь, но потерпел неудачу, что вызвало всеобщее недоумение. Дело в том, что Галисиуса в братстве считали редким растяпой, который с первого раза ничего нормально сделать не мог, в то время как Мерелинус пользовался заслуженным уважением у всех колдунов. По очереди члены Совета попробовали свои силы в этом неблагодарном деле. Ими были произнесены все хоть мало-мальски подходящие заклинания. В результате колдуны своими чарами выбили окна в соседних домах, спалили кусты и ёлку у входа, неизвестно куда отправили привязанную к забору козу вместе с самим забором и погнули дверную ручку. Из всего вышеперечисленного последнее можно было рассматривать даже как маленький успех, которого удалось добиться лично Верасиусу.

Геррус в поединке со злосчастной дверью не участвовал и хранил молчание. С одной стороны, он хотел сойти за самого умного, с другой стороны, он не имел ни малейшего желания выглядеть так же глупо, как и его коллеги. Однако в данной ситуации Геррус действительно оказался самым умным. Он первым сообразил, что обычные заклинания здесь не помогут, и даже понял почему.

– Последнее заклинание перед смертью, – процедил он сквозь зубы.

– Что? Что вы сказали?

– Последнее заклинание перед смертью. Это как завешание колдуна. Его нельзя нарушить.

– Вы уверены? Может быть, Хорус колдовал ещё? Умер-то он через три дня после того, как закрыл проклятую дверь.

– Да. Времени у него было достаточно.

– Нет, Сфериклус, пожалуй, наш друг Геррус прав, иначе мы бы её уже открыли. А вот и наш провожатый со свидетелями. Сейчас мы всё узнаем.

Верасиус повернулся к эльфам и принялся их дотошно расспрашивать.

Среди свидетелей присутствовали две женщины: вдова старшего горного мастера и тётя Ронеса. Теперь никто в поселении не считал гибель родителей Мауроса несчастным случаем в шахте. Ронеса поведала колдунам о семейной трагедии. Дядя Эусебио, к сожалению, никак не смог оторваться от важных дел и прийти вместе с супругой. Он наотрез отказался последить за маленьким сиротой, сославшись на крайнюю занятость. На самом деле он боялся колдунов и встреч с ними всячески избегал. Тётя Ронеса страхов его не разделяла, поэтому, взяв малыша на руки, пошла к дому погибшего колдуна Хоруса.

– Ах! Взгляните, какой прекрасный малыш! Жаль, что такая очаровательная кроха осталась в один день круглой сиротой. Как же это грустно и несправедливо!

– Хорошо хоть у него есть близкие родственники, которые не оставят бедное дитя.

– Как его зовут?

– Маурос.

– Прекрасное имя. (При этих словах Маурос проснулся.) О! Какие у него необычные чёрные глаза.

– Такие были у его покойной матушки.

– Я никогда не видел таких глаз. Друзья, посмотрите на мальчика!

– Галисиус, нам некогда смотреть по сторонам. У нас, видите ли, куча дел. А то, что вы никогда не видели таких глаз, неудивительно. Это ж не хвостатая звезда.

– Зря вы так, Сфериклус. Такой чёрный цвет редко встречается. Будем надеяться, это добрый знак, а то у малышки жизнь не заладилась с самого начала.

Больше на Мауроса внимания никто не обращал. Сам он запомнить эту сцену никак не мог в силу слишком юного возраста.

Колдунам не терпелось узнать подробности трагических событий. Через час дотошных расспросов они поняли, что от эльфов ничего нового не добьются. Дом Хоруса оставался непреступным: он был действительно заперт последним в жизни колдуна заклятием. Имелось ещё три важных места в этой трагической истории, где колдуны надеялись найти ключи к разгадке: шахта, в которой погибли родители Мауроса и заблудился старший горный мастер; обрыв над морем, на котором Хорус просидел три последних дня; и старый колодец, в бездну которого он бросился. Мудрецы затеяли спор, куда следует идти сначала. Дискуссия грозила затянуться, но конец ей быстро положил Геррус. Он злобно посмотрел на собратьев, повернулся к ним спиной и уверенно зашагал к шахте. Шесть мудрецов разом смолкли и последовали за ним. Они подумали, что у их собрата появилась какая-то гениальная мысль; на самом же деле тот предпочёл шахту из вредности, потому что большинство мудрецов предлагали пойти для начала к морю.

Злило Герруса то, что эти бездельники могли потратить здесь уйму времени на пустые разговоры, так как их камни, цветочки, звёздочки, людишки, навоз и прочая дребедень без проблем их подождут. Ничего с ними не случится. Увы! Огры, подопечные Герруса, ждать не будут и вот-вот нападут на пограничное поселение Локкси. А виноват будет кто? А виноват будет Геррус! Соберут общий совет и укоризненно так скажут: «Не доследил! Не справился с обязанностями! Вы так и не научились на них влиять. Вы нас разочаровали». И хотя Геррус не по своей воле мотался с шестью пустозвонами и бездельниками, вряд ли потом сей факт сочтут достойным оправданием.

Всю дорогу колдуны обсуждали услышанное. Разговор их, приправленный колкостями, насмешками и издевательскими замечаниями, походил на спор, а не на беседу мудрейших. Да и мудрецы со стороны смотрелись как семь чего-то не поделивших, вредноватых старичков. Не верилось, что они прожили тысячи лет и проживут ещё столько же. Вели они себя как простые смертные. Фламелиус и Мерелинус стремились сохранить достоинство и не опускались до язвительных нападок в адрес собратьев, чем, безусловно, грешили Сфериклус и Овесииус. Несчастный Галисиус отбивался от их едких упрёков как мог. Получалось у него плохо, тогда на его защиту вставал Верасииус, но и его авторитета не всегда хватало, чтобы утихомирить двух отпетых злословов. Геррус хранил презрительное молчание и тщетно пытался испепелить членов Совета злобным взглядом.

Бурные прения прекратились лишь у входа в шахту, закрытую на массивный железный засов. После череды трагедий ни один эльф под страхом смертной казни не решился бы в неё войти. Совет поселения единогласно постановил: закрыть шахту, несмотря на богатейшие

запасы железной руды. Жители предлагали засыпать её, а вход замуровать камнями для большего спокойствия. До дела так и не дошло, ибо желающих приближаться к шахте не нашлось.

Подойдя к высоким дверям, колдуны разом смолкли и замерли, затаив дыхание. Колдуны куда чувствительнее и восприимчивей других существ. Они слышат то, что не слышно другим, чувствуют и понимают то, что скрыто от остальных. Они видят незримое. Например, они запросто общаются с неприкаянными душами умерших. Кроме колдунов, на это способны духи природы и Великие Повелители Стихий. Прочие разумные существа имеют возможность общаться исключительно с двумя мёртвыми душами: лишь мать и отец могут подать им весточку с того света.

У входа в злополучную шахту колдуны ощутили присутствие какой-то ужасной, злой силы, которая была гораздо могущественнее их всех, вместе взятых. Сила эта поднималась из земных недр. «Кто ты, скрывающийся в глубине? Откройся нам! Предстань пред нами! Почему творишь ты злодеяния? Правду твою хочет знать Совет Семи Мудрецов!» – поборов страх, властным голосом воззвал Верасиус. Шесть членов Совета втянули головы в плечи и одновременно подумали, что не стоило начинать разговор с явно превосходящим по силе противником в подобном тоне. Из шахты послышалось глухое ворчание, потом железный лязг и страшный хохот, от которого никому не стало весело.

У колдунов кровь застыла в жилах, по спине пробежал холодок, ноги подкосились. Бедняга Галисиус, бледный как полотно, схватился за сердце.

В шахте наметилось движение. Страх волнами накатывал на мудрецов. С каждой такой волной испуг нарастал, он сменился ужасом, отчаянием, паникой, желанием убежать без оглядки. К двери из глубины шахты приближался кто-то могущественный и злой. Огромный железный засов стал подрагивать в такт его шагам. От него повалил дым. На глазах у колдунов он начал плавиться, и на нём отчетливо проступили буквы, словно написанные пылающей кровью. «Смерть», – прочитали они на древнеэльфийском. Страх достиг апогея. Колдуны были уверены, что за дверью стоит старуха с косой и смотрит прямо на них, ведь для взгляда смерти не существует преград. Она видит сквозь любые стены.

Всех спас Геррус. Он вырвался из губительного оцепенения и в последний момент крикнул собратям: «Круг силы!» Скорее автоматически, чем осознанно колдуны схватились за руки и по цепочке передали магическую энергию Геррусу. Тот образовал огромный светящийся шар и бросил его в дверь шахты, сопроводив разрушительным заклятием. Засов упал на землю, дверь приоткрылась, из щели повалил чёрный едкий дым, а когда светящийся шар достиг цели и с ужасным грохотом взорвался, послышался железный лязг. Яркая вспышка озарила округу. Видно её было за несколько километров. Двери сорвало с петель и отбросило вглубь шахты вместе с подземным чудовищем. Стены затряслись и рухнули внутрь, увлекая за собой потолок. На месте шахты образовался земляной холм. Разом всё смолкло.

Гнетущую тишину нарушали лишь жалобные стоны колдунов. Отдав все силы Геррусу на разрушительное заклинание, они уже не могли встать. Первым поднялся с земли Верасиус спустя полчаса после взрыва. Он принялся помогать раненым товарищам, имевшим жалкий вид: бороды растрёпаны, мантии грязные и порванные, а остроконечные шляпы похожи на драную ветошь. Яркая вспышка их ослепила. Грохот взрыва – оглушил. Мудрейшие напоминали новорождённых котят: слепые, глухие, помятые и беспомощные. Но тонкое колдовское чутьё подсказывало им, что опасность миновала. Они знали, что не убили и не ранили загадочного монстра глубин. Однако, обозначив столь решительный и дружный отпор, они напугали его и заставили снова скрыться в тайном логове где-то глубоко под землёй.

Дольше всех не мог прийти в себя несчастный Галисиус. Два его заклятых друга, Сферикус и Овесиус, пытались ему помочь. Наконец, не сговариваясь, они положили ладони ему на лоб и на грудь. Для несведущих стоит пояснить, что таким образом колдуны делятся силой. Они прибегают к подобной реанимации, если пострадавший находится на грани между жизнью

и смертью и без волшебного вмешательства не выживет. При этой процедуре руки колдуна, отдающего энергию, светятся и излучают приятное тепло. Здесь существует несколько строгих правил и ограничений. Например, оказать такую скорую помощь собрату колдуну допускается в любое время, а с другими жителями Южного континента всё намного сложнее. Человека так можно спасти лишь один раз: повторное наложение рук станет для него не целебным, а смертельным. Гномов допускается лечить таким образом три раза за их более долгую земную жизнь. А вот эльфов – сколько угодно раз.

К сожалению, у этой интенсивной медицины есть обратная сторона. Используя её для немагических существ, колдун обязан принести жертву: он на год лишается трёх волшебных способностей, которые выбирает по собственному усмотрению. Сами понимаете, они не горят желанием спасать всех умирающих.

Сфериклус и Овесиус, будучи почти без сил, поделились с другом остатками жизненной энергии. Галисиус с трудом открыл глаза и присел. Чтобы он не упал, его прислонили к камню. Несколько раз он глубоко вздохнул, словно проверял, на месте ли лёгкие, и задал мучивший всех вопрос:

– Что это было?

Ответа не последовало. Прожив на Земле больше четырёх тысяч лет, колдуны ни с чем подобным не сталкивались. Они испытывали противоречивые чувства: страх перед неизвестным злом и радость от чудесного спасения. В душах и умах царило смятение. Они понимали: действовать надо незамедлительно. Но как и с чего начать? Хорошая мысль пришла в голову Мерелинусу:

– Море.

– Что море?

– Надо идти к морю.

– Почему? Зачем?

– Так поступил Хорус. Столкнувшись с этим неведомым ужасом, он обратился за помощью к Великому Владыке Морей и явно успел рассказать ему всё, что узнал сам.

– С чего вы так решили?

– Сфериклус, а зачем он три дня просидел на обрыве? Он не просто бормотал, как утверждали эльфы. Всё ясно как день, но я лишь теперь понял, что он делал на берегу. Хорус позвал утопленников и через них общался с Великим Хозяином Морей. Как бы ещё он мог с ним связаться и сообщить ему о надвигающейся беде?

– Мерелинус, вы гений! Эльфы не могут видеть души умерших, поэтому они и решили, что бедняга Хорус лишился ума и три дня беседовал сам с собой.

– Он принял, на мой взгляд, единственное правильное решение. Если это зло не сможет остановить Великий Хозяин Морей, то его не сможет остановить никто.

– Если Великий Морской Владыка сочтёт, что его сил для борьбы с неведомым злом недостаточно, он созовёт Совет Великих Повелителей Стихий для спасения жителей Южного континента.

– Когда сплотятся все Великие Владыки, им никто и ничто не сможет противостоять.

– Господа, в кои-то веки я с вами согласен. Вероятность вмешательства Великих Повелителей Стихий весьма высока: судьба мира в надёжных руках. Разрешите откланяться. Меня уже заждались мои огры.

– Постойте, Геррус! Куда вы собрались? Какие огры?! Мы не сходили на берег моря и к старому колдуну. Нам надо посетить место гибели нашего друга Хоруса!

– Не вижу в этом ни малейшего смысла, Мерелинус. Благодаря вашей прозорливости мы знаем, чем он там занимался. Его стараниями Великий Морской Владыка предупреждён. Всё! Больше мы ничего не узнаем и не сделаем. Зачем терять время? Лично я считаю миссию выполненной.

– Мы должны отдать последнюю дань уважения погибшему Хорусу.

– Ах, Галисиус! От этого ему ни тепло ни холодно.

– Друзья! Никто из нас не задумался, зачем вообще Хорус покончил с жизнью, прыгнув в колодец? Столкнувшись с неведомым злом, он предупредил кого следует. Мог бы спокойно жить дальше. С чего вдруг он решил умереть?

– Почему он бросился в колодец, а не в море?

– А почему ничего не сообщил нам?

– Интересно, что было у него в узелке? Эльфы говорили, что из дома он взял лишь маленький узелок, просидел с ним три дня на обрыве, а потом зашвырнул в море.

– Видите, Геррус, хотя ситуация мало-помалу проясняется, вопросов больше, чем ответов. Возможно, на берегу моря или у колодца мы ответим на часть из них.

– Или столкнёмся с новыми загадками.

– Не исключено. Так что забудьте про огров. Они вечно воют. Их воинственность уже переполняет чашу моего терпения. Я скоро обращусь к Великим Повелителям Стихий, чтобы их усмирить.

– Настоятельно советую обратиться к Великому Владыке Огня. У него усмирение получается особенно качественно. Уж он с ограми церемониться не станет.

Собрав остатки жизненных сил, семь колдунов медленно двинулись в сторону моря. Шли они молча, погружившись в тревожные мысли. Полученную в избытке информацию хотелось спокойно переварить. Подойдя к обрыву, нависшему над бескрайним морем, они остановились и несколько минут смотрели вдаль, не произнося ни слова. Здесь провёл три последних дня жизни их друг. Они скорбели о Хорусе, о его безвременном уходе. По щекам Галисиуса текли слёзы раскаяния. Колдун знал, что если бы он внимательно следил за свечами жизни, то вовремя увидел бы, как у Хоруса свеча стала гаснуть и коптить – верный признак беды. Совет Семи Мудрецов, возможно, успел бы прийти к нему на помощь. Увы! Ничего не исправить! Никто из колдунов не умел воскрешать мёртвых.

Первым заговорил Геррус. Точнее, он с трудом выдавил из себя два слова:

– Что дальше?

– Коллега, это глубочайший философский вопрос.

– Фламелиус, я спросил, что мы делаем дальше, а ещё точнее – непосредственно сейчас.

– Полагаю, надо позвать неприкаянные души утопленников, через которых Хорус общался с Великим Морским Владыкой, и допросить их.

– Сомневаюсь, что они согласятся нам всё рассказать.

– Что значит – не согласятся? Мы прикажем им!

– Геррус, они не огры. Вы им не можете ничего приказывать. Хотя и ограми вы до сих пор не научились командовать. Они вас почему-то не слушаются.

– Давайте поменяемся обязанностями, любезный Фламелиус. Буду рад посмотреть, как вы управитесь с ужасными ограми. На такой обмен я согласен.

– А я нет, но речь не об этом. Я позову неприкаянные души. Общение с умершими как раз входит в мои обязанности. Только учтите, это не просто мёртвые души, это утопленники, а всё, так или иначе попавшее в море, по праву принадлежит Великому Морскому Владыке. Приказывать погибшим может только он, мы – лишь просить. Я позову их и вежливо попрошу нам помочь, но уверен, они будут хранить молчание.

– Почему вы так считаете?

– По-моему, либо сам Хорус, либо Великий Морской Владыка наложил на них обет молчания. Дело крайне серьёзное, и они побоялись огласки. Сейчас мы убедимся в верности моих предположений.

Фламелиус воздел руки к морю, начал слегка покачиваться из стороны в сторону и нарастающим произносить слова. Он не совершал никаких заклинаний. Этого вовсе не требовалось кол-

дуну для вызова неприкаянной души. Фламелиус просто обратился к душам утопленников с большим уважением и почтением, призывая их прийти на помощь Совету Семи Мудрецов. На его зов быстро откликнулись около двадцати душ, и Фламелиус максимально дипломатично начал расспрашивать их о произошедшем. Сначала души молчали, потом от группы отделилась одна из недотопленных существ и полетела к колдунам.

– Меня зовут Торнтон. При жизни я был капитаном торгового корабля, он разбился о рифы три тысячи лет назад по моей вине, поэтому неприкаянной душой я остался на земле, точнее в море. Остальные члены моей команды с чистой совестью покинули этот мир.

– Рад с вами познакомиться, Торнтон. Не могли бы вы нам сказать, любезный друг, о чём с вашей помощью говорили Хорус и Великий Морской Владыка – да правит он морем вечно? Поймите, мы интересуемся этим не из праздного любопытства. Дело крайне важное. От этого зависит жизнь многих существ на Южном континенте.

– Мы понимаем важность случившегося. Нам приятно вежливое обращение. Однако мы не можем ответить на ваши вопросы. Наш Повелитель наложил на нас обет молчания. Мы даже не имеем права упоминать об их разговоре тем, кто сам о нём не знает.

– Так я и думал. Великий Морской Владыка вновь проявил безграничную мудрость. Простите за беспокойство. Мы зря вас потревожили.

– Не совсем. Ваш друг Хорус просил меня передать вам краткое послание. Он был уверен, что рано или поздно вы догадаетесь сюда прийти. Кстати, ваше отсутствие его пугало: «Неужели зло проникло так далеко, что Совет Мудрейших не спешит на помощь колдуну, попавшему в смертельную западню?»

– Воистину, дураки и растяпы – великое зло, похуже огров!

– Геррус, успокойтесь! Сейчас не до ваших едких замечаний. Простите нас, уважаемый Торнтон. Прошу, продолжайте. Мы все внимательно слушаем вас.

– Лично мне послание вашего друга кажется бессмысленным. Видимо, перед смертью он бредил. О! Я не хотел обидеть ни вас, ни усопшего. Прошу прощения. Моё дело передать его слова, а не обсуждать их смысл. Итак, он сказал следующее: «Я добровольно ухожу в царство теней, чтобы лучше увидеть смерть. Затаилась угроза в недрах земных. Природу её разгадать я не смог, пребывая на этом свете. Попробую завершить начатый мною поиск на том. Всё, что узнать мне удастся, передавать буду Великому Морскому Владыке, ибо забрал я с собой то, что доверил мне Совет Семи Мудрецов. Клялся я хранить эту вещь до самой смерти своей и распорядиться ею только во благо. Я сдержал клятву. Я исполнил моё изначальное пророчество. Я чист перед миром». Это всё, – закончил свою речь капитан Торнтон, слегка поклонившись внимательным слушателям.

Он молча смотрел на колдунов, ожидая их реакции и вопросов, на которые при всём желании не дал бы ответа, так как в бредовом послании Хоруса действительно ничего не понял. Слова вроде бы знакомые, но, сложенные в таком порядке, образуют полную ерунду. Про остальное он не имел права говорить, дабы не навлечь на себя страшный, но справедливый гнев Великого Морского Владыки.

Колдуны слушали предсмертное послание Хоруса, затаив дыхание. Для них оно не выглядело бредом, как для неприкаянной души погибшего капитана, хотя бы потому, что они знали об изначальных пророчествах и сами столкнулись с неведомой подземной силой. Кое-кто понял, какую ценную вещь Хорус выкинул в море, то есть передал Великому Морскому Владыке. Её создал несколько веков назад Фламелиус. Якобы по решению Совета Семи Мудрецов она была отдана на хранение ныне покойному Хорусу. Геррус оказался посвящён в эту тайну и возмущался: «Зачем бросать отборный жемчуг в море? У Великого Морского Владыки его и так предостаточно! Совсем перед смертью ужом тронулся». Зато Верасиус, бессменный глава Совета, в этом пункте разделял взгляд Торнтонна на предсмертное послание колдуна: «Бред. Ничего я ему не доверял. Жаль беднягу, спятил перед смертью. Да, в здравом уме головой

в колодец не прыгают». Примерно так же рассуждали Сфериклус и Овесиус. Для остальных колдунов одной загадкой стало меньше. Теперь они точно знали, что хранилось у покойного в маленьком узелке, который он выбросил в море.

– Благодарим вас, капитан Торнтон. Вы передали нам крайне важное послание. Ступайте с миром, но окажите нам одну любезность: передайте нижайший поклон Великому Морскому Владыке. Да правит он морем вечно!

– Рад быть вам полезным. За учтивое обращение обещаю явиться по первому зову и оказать любое содействие в рамках моих скромных сил и дозволенного мне моим господином. Если я вам понадобится, подойдите к берегу моря и позовите капитана Торнтон.

– Спасибо вам! От такого щедрого предложения грех отказываться. Клянёмся не злоупотреблять вашей любезностью и зря вас не тревожить. До свидания.

– До встречи.

Поклонившись, Торнтон устремился в морскую пучину, куда за ним беззвучно последовали двадцать неприкаянных душ. Во время разговора они держались в стороне, молчали и внимательно слушали.

– Поясните нам, о разлюбезнейший Фламелиус, для чего колдунам столь ценнейшие помощники?

– Поясняю для глухих и глупейших, о Сфериклус! Великий Морской Владыка является одной из ключевых фигур в этой истории и нашей единственной надеждой на спасение. Вы согласны со мной?

– Да. Но это очевидные вещи. Лучше скажите, зачем нам сдался этот Торнтон, что вы с ним так любезничали?

– А как вы собираетесь в дальнейшем связываться с Великим Морским Владыкой? Я знаю лишь один доступный и надёжный способ: через неприкаянные души умерших, а точнее, утонувших в море.

– Прекрасно, Фламелиус, благодаря вашей дипломатичности у нас будет личная неприкаянная душа на посылках.

– Зря иронизируете, Овесиус. Мёртвые души отличаются капризным и пакостным нравом. Их можно звать полдня, и ни одна не покажется из вредности.

– Сегодня они явились по первому зову. Видимо, поняли, что их звал не абы кто, а Совет Семи Мудрецов в полном составе.

– Поверьте, Сфериклус, Великий Морской Владыка – их единственный хозяин. Больше они никого не слушают и ничьих авторитетов не признают. К нам они примчались исключительно из любопытства, присущего даже мёртвым. Трагедия с колдуном Хорусом их заинтриговала. Они ждали продолжения.

– Что мы все тут в колодцы попрыгаем?

– Нет! Я не так выразился. Они ждали от нас пояснений или подробностей.

– Друзья, оставим неприкаянные души в покое и обсудим послание Хоруса. Сейчас это гораздо важнее.

– По сути, Мерелинус, вы правы, но здесь это неуместно и даже опасно.

– Какая же опасность нас тут подстерегает? Новый подземный монстр?

– Скорее подводный. Мы ведь на берегу моря, а не около шахты.

– Овесиус, вы дошутитесь!

– Нельзя говорить в этом месте о столь серьёзных вещах, как смысл послания Хоруса. Нас могут услышать те, кому о таких тайнах знать не следует. Предлагаю отложить обсуждение до возвращения в Белую башню.

– Золотые слова, Верасиус!

– Подхалим.

– А что, собственно, нам мешает вернуться туда прямо сейчас?

– Геррус, целиком и полностью разделяю ваше нетерпение, но мы ещё не были у колодца. И без лишних препирательств, споров и проволочек мы идём прямо к нему!

Последние слова Верасиус произнёс строгим тоном, сурово глядя на вечных спорщиков Сфериклуса и Овесиуса. Также грозного взгляда начальства удостоился Геррус, которому не терпелось всё бросить и вернуться к ограм. Казалось, что за два столетия они почти сроднились. Глава Совета редко давил на подчинённых, когда же он это делал, его слушались беспрекословно. Процессия молча двинулась в сторону колодца. Благо, идти оказалось недалеко, каких-то сто шагов.

Сооружение это любой назвал бы весьма странным. Назначение его оставалось абсолютно непонятным. Построили его в те далёкие времена, когда в поселении Ферлатис ещё не жили эльфы, да и Ферлатиса тогда в помине не было, а возможно, и самих эльфов. Колдуны считали, что колодец относится к эпохе первых жителей Южного континента, правду о которых знали только Великие Повелители Стихий, но хранили на сей счёт гробовое молчание. Обратиться к ним с расспросами никто не решился. Колдуны явились в этот мир в момент загадочного массового исхода первых жителей. Они успели познакомиться с некоторыми из них, но узнали слишком мало. Многие так и остались для них тайной за семью печатями, как, например, этот колодец. Древние предания гласят, что странный народ в один день сорвался с насиженных мест и уплыл на кораблях куда-то на восток. Больше о первожителях на Южном континенте никто никогда не слышал. В память об этой цивилизации осталось несколько каменных сооружений, одно чуднее другого. Самыми загадочными из них являлись пещеры, стены которых покрывали иероглифы, а посередине непременно находились каменные постаменты с круглыми желобками. К подобным памятникам древнего зодчества, безусловно, относился старый колодец близ Ферлатиса.

Подойдя к колодцу, колдуны постояли молча, потом два раза обошли вокруг, следуя за Верасиусом. Снова постояли, задумавшись. Дружно посмотрели вниз. Овесиус попытался в него плюнуть, но Мерелинус его вовремя остановил: «Плеть в колодец – плохая примета». Все снова устремили взоры вниз. Казалось, что перед ними открывалась чёрная бездна. Надеясь разглядеть в ней хоть что-нибудь, глава Совета бросил в колодец святающийся шар, который с помощью светового заклинания сформировал на ладони. Шар падал бесконечно долго, постепенно уменьшаясь в размерах и тускнея. В конце концов он превратился в крохотную свечающуюся точку и окончательно исчез, так и не достигнув дна.

– Я не могу утверждать с полной уверенностью, но кое-какие соображения по этому поводу у меня есть.

– Поделитесь с нами, умнейший Геррус.

– Не стоит иронизировать, Овесиус. Мне ясно, что это не колодец, а вход.

– Гениально! И куда, по-вашему, вошёл наш друг Хорус откровенно странным способом – головой вперёд?

– Сфериклус, но он же сам чётко сказал, куда направился.

– На тот свет? Так это здесь?

– Галисиус, что вы, как пугливый ребенок, отскочили от обычного колодца? Геррус явно лишился рассудка и бредит.

– Почему это бредит?

– Потому что шутить он не умеет, а на правду его версия совсем не похожа.

– Лично я считаю, что Геррус прав. Если его предположение верно, то все факты соединяются в стройную логическую цепочку. По-моему, происходит следующее...

– Не здесь, Мерелинус. Оставим все гениальные и не очень гениальные идеи при себе до совета в Белой башне. Там нас точно никто не сможет подслушать. К сожалению, в Ферлатисе и его окрестностях мы не узнаем ничего нового.

– Золотые слова!

Не дав Овесиусу рта раскрыть, Верасиус приказал мудрецам подниматься на облако и срочно лететь к Белой башне. Глава Совета так рявкнул на подчинённых, что те разом бросились выполнять приказ, и при посадке на облако возникла сумятица. Как всегда, в суматохе пострадал бедняга Галисиус, но, опасаясь вызвать гнев руководства, он обошёлся без привычных охов и причитаний. Золотистое облачко взмыло в небо и полетело на юго-запад, подгоняемое попутным ветром и желанием главы Совета Семи Мудрецов поскорее достигнуть Белой башни в Священном дремучем лесу.

* * *

До Великой войны колдуны сразу и в таком количестве в Ферлатисе не появлялись. Никаких странных, а тем более страшных событий не случалось. Жизнь потихоньку вернулась в обычное русло и пошла своим чередом. Все успокоились, а жители, в панике покинувшие поселение, возвратились в родные дома. Эльфы снова зажили мирно. Год от года у них крепла уверенность, что беда миновала. Некоторые верили, что их спас колдун Хорус ценой собственной жизни. Другие полагали, что обязаны спасением Совету Семи Мудрецов. Третьи были убеждены, что беду удалось отвести благодаря вмешательству Великого Морского Владыки. Большинство эльфов сходились во мнении, что в избавлении поселения от страшной угрозы участвовали все: и Хорус, и колдуны, и Великий Морской Владыка. Объединив усилия, они смогли остановить ужасное неведомое зло. Как бы там ни было, с тех пор жили в Ферлатисе тихо и мирно.

Дом колдуна

- Не подглядывай! Это его дом.
- Хочу и смотрю! Мне интересно.
- Любопытство – это плохо.

Маурос стоял в растерянности посреди комнаты. Он продолжал держаться за треногу, боясь упасть в обморок. Его терзали сомнения. Относится шестой пункт к нему или нет? Вероятность нового совпадения была высокой. Историю колдуна Хоруса и появления в поселении Совета Семи Мудрецов Маурос знал наизусть, как любой житель Ферлатиса. Тётя не раз говорила, что лично беседовала с великими колдунами. Почему же Ронеса не сказала, присутствовал Маурос там или нет? Это так важно! «Глупая старуха! Когда не надо, ты молола языком без умолку! А самого важного вымолвить не удосужилась! Чтоб тебя паралич разбил!» – негодовал эльф.

Вскоре он успокоился и, взвесив факты, пришёл к интересному и пугающему выводу: из шести признаков Чёрного Властелина второй, четвёртый и пятый ему полностью подходили. Он принадлежал к роду земных бессмертных, был предан и безвинно осуждён своим народом, рос сиротой. Третий пункт мог соответствовать любому в таинственной крепости. Здесь все звали к Чёрному Властелину, моля об отмщении. Верность первого пункта подтвердить или опровергнуть могло лишь время. Что значит – «солнце взойдёт в последний раз»? Здесь солнце – большая редкость. Вдруг оно ещё год не покажется? Эльф решил не забивать себе голову и не принимать в расчёт этот пункт. С шестым признаком из-за глупой тётки Ронесы у Мауроса вышла загвоздка – тут шансы совпадения были пятьдесят на пятьдесят. Прodelав в уме нехитрые расчёты, он осознал, что во многом подходит под описание, но полной уверенности у него не появилось, как и желания оказаться загадочным Чёрным Властелином. «Ну и зачем я себя мучаю? Надо читать дальше. Всё само прояснится», – подумал Маурос и заглянул в книгу. Ему предстояло ознакомиться с седьмым пунктом.

7) Войдёт он в запретный дом и попробует взять то, что ему не принадлежало.

«Неожиданный поворот!» – с ужасом и восторгом подумал эльф. Стопроцентное совпадение! Только Мауросу удалось войти в дом Хоруса после смерти колдуна, и он действительно попытался там кое-что взять. Но обо всём по порядку.

* * *

Время шло. Эльф-сирота заметно вырос. Исполнилось ему тринадцать лет. Обзавёлся он большим количеством друзей-приятелей. Разные у них в ту прекрасную пору были забавы: прыгали они с высоких скал в море, рискуя разбиться, лазали по деревьям, ходили на прогулки высоко в горы и даже тайком спускались в шахты и пещеры. Разумеется, от заброшенной шахты держались они как можно дальше. Мысль о том, чтобы подойти к ней близко или попытаться спуститься в неё, не приходила даже в самые отчаянные головы. Только Маурос иногда подходил к ней. Он садился на камень примерно в двадцати шагах от бывшего входа и пытался мысленно поговорить с умершими родителями. Юный эльф оказался единственным жителем поселения, кому шахта не казалась такой ужасной, как всем остальным. Он воспринимал её как могилу родителей. Здесь они приснились ему в первый раз в жизни. Маурос с большой теплотой и радостью вспоминал тот чудесный сон. Его товарищи по играм, узнав, что он ходит

к заброшенной шахте, сочли эльфа смельчаком и отчаянным малым, но примеру его ни один из подростков не последовал.

Из развесёлых забав, придуманных юными эльфами, больше всего любил он одну, в которой преуспел гораздо лучше других. Маурос считался мастером лазить в чужие сады за яблоками. Зато прыгать со скалы в море ему вовсе не нравилось, так как плавать он толком не умел. Много раз пытался он научиться. Друзья с охотой брались ему помочь, но все попытки заканчивались неудачно: эльф только и мог что барахтаться у берега да проплыть несколько метров по мелководью. Он не доверял морю и панически боялся его. Тёмно-синяя бездна пугала подростка. Она казалась ему притаившимся чудовищем, ждущим лишь подходящего момента, чтобы напасть и утащить его в страшные глубины. Вылазки за яблоками – совершенно другое дело: в чужом саду фрукты в сто раз вкуснее, чем в собственном. Дядя Эусебио владел прекрасным садом с наливными грушами и яблоками, медовыми сливами и сочными вишнями. При этом изобилии племянника, словно магнитом, тянуло в чужие сады. Однако забаву эту воровством никто не считал, ну, или почти никто. Она скорее была игрой – игрой нескольких поколений, и её негласные правила не менялись. Подростки лезли в сад за яблоками, а взрослые эльфы, хозяева фруктовых садов, всячески препятствовали незаконным проникновениям. Они устраивали нехитрые ловушки и громко ругались на «несносных хулиганов и вредителей». На самом деле в душе взрослые эльфы смеялись и чуть-чуть завидовали озорным подросткам. Они вспоминали свои беззаботные годы и готовы были отдать сорванцам сколько угодно яблок, груш, персиков, если бы те вежливо попросили. Увы! В таком случае весь смысл, вся прелесть игры исчезли бы безвозвратно. Ведь дело было вовсе не в яблоках. Для успешной вылазки было достаточно одного сорванного плода.

В этой забаве равных Мауросу не нашлось. Ни с одной вылазки он не пришёл без заветного трофея. Никому из взрослых не удавалось его поймать, даже сердитому Биорку, грозе юных «воришек». Таких стариков, как Биорк, в поселении насчитывалось не больше десятка. Детство его закончилось восемнадцать веков назад. Этого с лихвой хватило на то, чтобы Биорк забыл о нём окончательно. Да и его маленьким почти никто не помнил, хотя старейшая жительница Ферлатиса, неувядающая Мартисса, во всеуслышание заявляла, что он даже в детстве отличался мерзким и занудным характером. Старик наотрез отказывался считать вылазки за яблоками безобидной игрой, относился к подросткам как к малолетним преступникам и безуспешно пытался убедить соседей в своей правоте. Столкнувшись с общим непониманием, Биорк обозлился и объявил охотникам за яблоками беспощадную войну. Он завёл свирепого серого пса, а сад свой превратил в полосу препятствий, повсюду расставив хитроумные ловушки, в которые нередко попадал сам из-за старческого склероза и плохого зрения. Разумеется, это злило его ещё больше. Юные эльфы быстро научились избегать ловушек, но свирепый пёс стал непреодолимым препятствием. Маурос остался единственным, кто решался лазить в сад Биорка. Друзья поджидали его за забором. Они встречали его восторженными криками, когда он перемахивал обратно через ограду с заветным трофеем в руке. Для Биорка Маурос стал врагом номер один. Дело в том, что юный хулиган додумался до такой пакости, о которой не рассказывал даже друзьям. Он срывал одно-единственное яблоко. Никто же не обеднеет от такой потери. Так-то оно так, если только остальные не понадкусывать, чем, собственно, Маурос и занимался в саду старика.

Биорк и остальные эльфы недоумевали, как юному пройдохе удавалось сладить со сторожевой собакой. Но у Мауроса имелась одна таинственная особенность. Сам он узнал о ней недавно, а точнее, обратил внимание на странный факт: все животные его боялись и избегали. Первой так повела себя кошка, которую привела в дом Мариси, дочь Эусебио. Из окна Маурос увидел, как кошка забавно играет с девочками и ластится к их матери. Маленькому эльфу тоже захотелось поиграть с ней. Увы! Стоило мальчику к ней приблизиться, как кошка, только что спокойно лежавшая и мурлыкавшая на коленях у тёти Ронесы, вскочила, выгнула спину дугой

и зашипела, явно испугавшись его. Она смотрела на него бешеными глазами и отчаянно фыркала, словно говоря всем своим видом: «Не тронь меня! Даже не думай ко мне притронуться!» Всех удивило её поведение, а эльфу пришлось оправдываться и уверять родных в том, что он не хотел сделать животному ничего плохого. Кошка успокоилась лишь после того, как раздосадованный мальчуган, понутив голову и чуть не плача, ушёл в дом. Он надеялся, что кошка привыкнет к нему, но время шло, а реакция кошки не менялась. Через неделю она, гордо подняв хвост трубой, навсегда ушла из дома. Несмотря на все её старания, глупые эльфы так и не поняли, какого жуткого монстра они у себя приютили.

Маурос расстроился и сделал очевидный вывод, что дело было вовсе не в нём, а в дурном характере кошки. Однако именно с того момента он стал замечать, что все звери от него буквально шарахаются. Причину феномена он установить не смог, но смекнул, что эта особенность вряд ли понравится родственникам и поселенцам. С тех пор Маурос сам сторонился животных и никогда не подходил к ним в присутствии кого бы то ни было. Поэтому, когда эльф лез в сад Биорка, он точно знал, что злой пёс его не тронет. Стоило Мауросу перемахнуть через забор, как свирепый сторож бросился на него, но в пяти шагах резко остановился и принюхался. Мохнатая шерсть на загривке встала дыбом. Он глухо зарычал, как бы говоря: «Не приближайся ко мне! Только не приближайся ко мне!» – и стал отступать вглубь сада, при этом стараясь ни на секунду не упускать злейшего врага из виду. Эльф заранее ожидал подобной реакции от мохнатого стража. Он сорвал заветное яблоко. Потом, смеха ради, сделал вид, что нападает на перепуганного пса, и уверенно шагнул в его сторону. Несчастная собака взвизгнула, поджала хвост и забилась в конуру. Маурос решил не издеваться над бедным животным, перелез через ограду и был таков. Товарищи, ждавшие его за забором, не скрывали удивления и восторга: «Как ты сладил со злой собакой?» Маурос сделал загадочный вид и заявил таинственным шёпотом: «С помощью моего звериного обаяния». Все дружно рассмеялись, считая шутку отменной. Приятели так никогда и не узнали о его странной особенности.

Благодаря успешным набегам на сад Биорка эльф закрепил за собой репутацию самого искусного лазутчика, способного влезть куда угодно. Она-то и сыграла с ним злую шутку. В один злополучный осенний вечер шли юные эльфы дружной компанией по одной из улиц поселения. Они веселились и смеялись, обсуждая, чем бы заняться вечером. Сезон яблочной охоты закончился. Прыгать с высокой скалы в ледяную воду желающих не нашлось. Спускаться в мрачную пещеру, в которой жарким летним днём сыро и холодно, также никто не захотел. После обильных октябрьских дождей в горах прошло несколько оползней, и прогулки на ближайшие вершины было решено отложить до лучших времён. Заняться оказалось абсолютно нечем. Тут в голову одному из подростков пришла неплохая идея: залезть в чей-нибудь сарай и там в полной темноте рассказывать страшные истории. Ребята остановились и стали оглядываться, выбирая подходящий сарай. И так уж случилось, что привела их дорога к заброшенному дому колдуна Хоруса.

Двенадцать лет минуло с тех пор, как колдун покинул своё жилище. На глазах у соседей и прохожих он наложил на дверь охранное заклятие, а спустя три дня свёл счёты с жизнью, бросившись головой в старый колодец на берегу моря. За домом никто не следил, однако казалось, будто покинули его вчера: на стенах не появилось трещин, стёкла оставались чистыми, у порога не росла сорная трава, а опавшую листву кто-то невидимый сметал с крыльца. Дом колдуна никакого страха у жителей Ферлатиса не вызывал: «Стоит себе и стоит. Никому не мешает». Зайти в него, разумеется, никто не пытался, помня об охранном заклятии колдуна и о безуспешных попытках Совета Семи Мудрецов его снять. Ни у кого не возникало мысли его снести. Более того, в поселении появилась традиция: в день смерти Хоруса все жители приносили к его дому по цветку в знак благодарности за спасение. На следующее утро цветы исчезали. Даже бдительной Сузарре, жившей напротив, не удавалось уследить, как это происходило. Эльфов это не пугало. Они свято верили, что Хорус принимает их дары, и были абсо-

лютно правы. Если заброшенную шахту старались обходить по возможности дальше, то мимо дома Хоруса все ходили спокойно. Никаких пугающих странностей за жилищем колдуна замечено не было. Жившие по соседству не помышляли никуда переезжать.

– А зачем нам лезть в холодный сарай? Можно забраться в дом колдуна, развести в камине огонь и провести весь вечер в тепле и уюте. Что вы на это скажете?

– Виллан, ты, конечно, известный шутник, но тут не до смеха.

– Паулито, ты боишься, что меня услышат?

– Да.

– У стен есть уши?!

– У этих стен может быть всё, что угодно. Дом волшебный. И перестань насмехаться! Ты оскорбляешь память колдуна, отдавшего за нас жизнь.

– Ты веришь этим байкам?

– Всем известно, что это не байки!

– Мне надоело твоё глупое нытьё! Малышу Паулито, наложившему от страха в штанишки, пора идти домой. Мама уложит его в кроватку, вытрет карапузу слёзки и расскажет любимую сказку о добреньком колдуне Хорусе.

Паулито действительно чуть не расплакался от обидных слов Виллана, но решил ничего не отвечать. Виллан был известным в округе драчуном и задирой (правда, жертв он выбирал младше и слабее себя). Всхлипнув, Паулито пошёл домой. К удивлению Виллана, другие юные эльфы молча отвернулись от него и пошли за Паулито. Пройдя несколько шагов, Багги, самый старший в их компании, остановился.

– Виллан, в своей глупой шутке ты зашёл слишком далеко. Ты оскорбил святого и его жилище. Помня о безграничной доброте Хоруса, мы простим тебя, но лишь когда ты раскаешься и попросишь прощения, а пока мы не будем с тобой разговаривать.

– Мне не нужно ваше прощение! Вы просто жалкие, сопливые трусы! Проваливайте! А о тебе, Маурос, я был лучшего мнения, думал, в шайке неудачников ты один храбрый, как настоящий эльф. Ты такой же никчёмный слабак!

– Не слушай его, Маурос!

– Да. Иди! Я же вижу, что ты трусил!

Маурос остановился посреди дороги как вкопанный. На его дальнейшее роковое решение повлияло два фактора. С одной стороны, Маурос категорически не терпел, когда его называли «слабаком» и «трусом». Услышав эти слова, он буквально терял рассудок и силился доказать обратное, в результате попадал в дурацкие и опасные ситуации. Однажды его друзьям пришлось звать взрослых, чтобы снять эльфа со скалы, на которую он с горем пополам залез, доказывая свою храбрость, а слезть не смог. Операция по спасению горе-скалолаза заняла полдня и стоила трубочисту Ярго сломанной лодыжки. Ох! И досталось же Мауросу! Две недели он просидел под домашним арестом. Его долго дразнили верхолазом-недоучкой, но поведение Мауроса не изменилось. Он по-прежнему болезненно реагировал на слова «слабак» или «трус». Зная об этом, Виллан умело им манипулировал. И хотя Маурос потом понимал, что хитрец Виллан втравил его в очередную историю смеха ради, ничего с собой поделать не мог.

С другой стороны, он не очень хорошо относился к колдуну Хорусу. По крайней мере, не так хорошо, как все. Маурос слышал, что колдун всегда предчувствовал чью-то смерть, но наотрез отказывался предупреждать будущую жертву о нависшей угрозе. «Почему проклятый колдун вёл себя так жестоко? – сотни раз задавал себе вопрос Маурос. – Сколько жизней он мог бы спасти, не будь он гордецом!» Эльф ничего не знал о Кодексе колдунов, о несчастье, постигшем за год до этого Виссарию, мать Виллана, и его печальных для колдуна последствиях. «Хорус мог бы просто прийти к маме и папе и сказать, чтобы они никогда не спускались в проклятую шахту. Тогда они остались бы живы, а я не рос бы круглым сиротой», – рассуждал Маурос, сидя у обвалившегося входа. Ему становилось так жаль себя, что слёзы сами навора-

чивались на глаза. Лишь на могиле родителей он позволял себе плакать, зная наверняка, что никто не застанет его за этим занятием.

Мауросу, как и многим в подобной ситуации, хотелось найти виноватого. Когда мы не в силах ничего изменить, когда спасать уже поздно, а воскрешать мёртвых никто не умеет, бессилие и отчаяние превращаются в гнев и жажду «справедливого» возмездия. Часто это стремление отомстить носит болезненный и даже безумный характер, а виновный требуется нам как воздух. Маурос пережил подобную эволюцию мыслей и чувств. Он не хотел мстить Хорусу, но частично возложил вину за гибель родителей именно на него. В знаменательный день, когда все жители Ферлатиса несли цветы к дому колдуна, он возлагал свой цветок скрипя сердце, только чтобы не спорить с родственниками.

Именно эти два обстоятельства заставили Мауроса остановиться посреди дороги и пойти к Виллану, забыв про товарищей, осторожность и здравый смысл. Багги окликнул его несколько раз, но потом махнул рукой и ушёл со всей честной компанией, рассудив, что Маурос не маленький и сам разберётся. Если бы он только знал, какую непоправимую глупость совершит его друг в ближайшее время, то, не раздумывая, уволок бы его от Виллана и дома колдуна силой.

Маурос подошёл к Виллану и вызывающе на него посмотрел.

– Я не боюсь. Но зачем тебе понадобилось лезть в дом колдуна?

– Я знал, что ты не трус, дружище! Ты представляешь, сколько там интересных и ценных вещей?

– Ты надумал что-то украсть?!

– Не сходи с ума! Мы не воры. Я ещё не лишился рассудка красть у колдуна, пусть и мёртвого. Просто хочу посмотреть, что там. Тебе разве не интересно?

– Интересно. Думаю, там есть на что взглянуть.

– Вот и я говорю. Давай залезем и поглядим!

– Ну и как ты планируешь проникнуть в дом? Говорят, у Семи Мудрецов это не вышло, сколько они ни пытались.

– Не знаю. Я рассчитывал на тебя. Ты же у нас лучший лазутчик. Таких проныр, как ты, днём с огнём не сыщешь. Точно. Не дуйся! Я назвал тебя пронырой в самом хорошем смысле. Я имел в виду, что ты один способен пролезть куда угодно. По-моему, если ты можешь безнаказанно лазить в сад к Биорку, то тебе, брат, всё по плечу. Раз уж и ты не справишься, то в этот дом не проникнет ни одна живая душа. Это я тебе заявляю и отвечаю за свои слова.

Виллан всячески выказывал своё уважение и восхищение. Он прекрасно знал, что лесть – мощное оружие, когда ты умеешь ею пользоваться. Единицы могут устоять перед умным льстецом и не поддаться его обаянию. Большинство людей и эльфов очень падки на лесть, как бы яростно они ни утверждали обратное. У Виллана всегда имелась наготове поистине магическая фраза, которая, как волшебный ключик, открывала ему любые сердца и двери. Когда он хотел, чтобы для него что-то сделали, он всегда начинал разговор с нужным собеседником следующим образом: «Мне все сказали, да и я сам прекрасно знал, что кроме вас, этого никто сделать не сможет...» Дальше он излагал суть просьбы и ни разу не слышал отказа. В случае если способных выполнить его просьбу было несколько, то он заменял в волшебной формуле слова «никто кроме вас» на «никто лучше вас», и она снова безотказно работала. Так произошло и на этот раз. Небольшой порции лести хватило, чтобы Маурос забыл обидные слова «трус» и «слабак» и согласился с предложением залезть в дом колдуна.

– Я уверен, что у тебя уже созрел какой-нибудь гениальный план. Правда?

– Есть у меня одна мыслишка.

– Говори скорее! Не тяни! Мне не терпится узнать, что ты там хитрого придумал.

– Смотри. Колдун Хорус перед смертью наложил охранное заклятие на дверь. Так?

– Так. Это многие видели.

- Хорошо. Как мудрецы пытались проникнуть в дом?
- Не понял. Как – как? Через дверь, разумеется, не в окно же им лезть. Правильно?
- Вот ты сам и ответил на вопрос. По-моему, об окнах все забыли. Хорус заклинания на них не накладывал. Мудрецы или кто-либо другой в них не лазили. Смекаешь?
- То есть мы будем первые?
- Выходит, да. Это единственный способ попасть внутрь. Дымоход я исключаю.
- Почему?
- Я не трубочист Ярго. Да исцелится его лодыжка! Я не добрая фея Иу, что приносит детям подарки в день рождения. Даже не уговаривай, у меня нет желания ломать себе шею. Я предложил оптимальный вариант, других идей у меня нет.
- Уж больно простой способ. Странно, что, кроме нас, до него никто не додумался.
- Видимо, Семь Мудрецов не имеют привычки лазить в чужие окна. Статус не позволяет, да и не принято как-то. (Друзья рассмеялись.)
- А остальные никогда не думали об этом.
- Ну ты шутник! Но боюсь, скоро нам будет не до смеха. Хорус наверняка устроил кучу ловушек для непрощенных гостей.
- Нет. Оставил нам горячий кофейник и свежие булочки! Конечно, там опасно. Если боишься, так и скажи.
- Завидую я тебе. Ты такой смелый и ловкий!
- Хорошо. Тогда постой у дома, посторожи. Я один полезу внутрь. Если там всё спокойно, то я тебя позову. Договорились?
- Идёт! Можешь на меня положиться. Я не подведу! Буду смотреть в оба!

Так хитрец Виллан подтолкнул простака Мауроса к очередной, на этот раз роковой, глупости, а сам, по старой привычке, остался в стороне. Маурос внимательно осмотрел дом в поисках подходящего окна. На первом этаже фасада в эльфийских поселениях окон традиционно не делали. Каменная ограда, начинавшаяся по бокам дома, доходила до уровня второго этажа. Эльф решил, что будет разумнее (если эту операцию хоть как-то можно было назвать разумной) сначала через забор проникнуть в сад, а оттуда попасть на первый этаж через какое-нибудь боковое окно: глухая каменная ограда надёжно скроет его от посторонних глаз. Маурос понимал, что если жители Ферлатиса застукают его за этим занятием, то наверняка по головке не погладят. А реакцию родственников вообще лучше не представлять: домашним арестом точно не отделаешься.

Наибольшую угрозу представляли соседи, а особенно жившая напротив тётка Сузарра. Она отличалась любопытством и зловредным характером. Старушка охотно собирала сплетни и про любого жителя поселения могла рассказать целую кучу гадостей. Плохое держалось в её дырявой памяти дольше, чем хорошее. В Ферлатисе говорили: «Хочешь испортить себе настроение и узнать нечто неприятное о своих близких, поговори с Сузаррой». Часто от нечего делать она садилась у окна и следила за происходящим на улице. Вечером она специально не зажигала свет из соображений конспирации. Когда днём она занимала любимый наблюдательный пост, прохожие подшучивали: «Что, Сузарра, всё ждёшь, когда Семь Мудрецов вернут тебе козу с забором?» Сузарра обижалась на односельчан за их насмешки и на колдунов за то, что те так и не соизволили вернуть ей домашнюю скотину и часть недвижимого имущества, бесследно пропавшую, когда «шайка из семи престарелых бездельников пыталась вломиться в чужой дом».

Маурос изложил план Виллану. Тот кивнул, посадил товарища на каменную ограду, а сам уселся под ней и принялся с невинным видом щёлкать орехи. Он рассчитывал сбежать при малейшей угрозе, даже не предупредив сообщника. В любом случае он всегда твердил бы о своей непричастности к этому тёмному делу и валил бы вину на простоватого друга.

Попав в сад, Маурос настороженно огляделся. Ближе к улице росли обычные деревья – груши, яблони, вишня и две прекрасные сливы, но в глубине сада он увидел растения, о существовании которых раньше не подозревал. Особенно поразило его одно невысокое дерево, всё состоявшее из корней. Оно раскачивалось само по себе, не повинаясь ветру. Юному эльфу показалось, что оно тянет к нему свои корни, похожие на щупальца. Рядом с ним из земли торчала деревянная табличка с загадочными символами. Эльф попробовал прочитать пояснительные надписи, но быстро отказался от бесперспективного занятия.

«Кажется, в саду ловушек нет. Не стоит терять время. Надо найти удобное окно», – подумал Маурос и, крадучись, обошёл дом, заглядывая в окна. Все оказались закрыты и задёрнуты плотными шторами. Разглядеть в них ничего не удалось. Но, дойдя до последнего окна, подросток подпрыгнул от радости: оно осталось приоткрытым. Тут же восторг сменился подозрением. Колдунам замки не нужны в принципе. Да, Хорус мог не запереть его на щеколду, а всего-навсего наложить заклинание. Надёжнее любого замка или засова. Например, можно наколдовать так: всякий, кто пролезет в окно, превратится в лягушку, в камень или перенесётся в Северную пустыню. «Ужас! А что? От колдунов только этого и жди. Великие Повелители Стихий, куда я лезу?! – пронеслось в голове у Мауроса. – Надо отсюда сматываться!» Увы! Эти здравые мысли пролетели у него в мозгу столь стремительно, что он не успел их осознать. Им на смену моментально пришёл образ Виллана, поджидавшего его у забора. Он с ужасом представил, как тот будет издеваться, снова дразнить его трусом и слабаком. Маурос обречённо вздохнул и осторожно приблизился к заветному окну. Для проверки он бросил в щель камень. Ничего необычного с ним не произошло. Тогда подросток просунул в окно ветку груши. С ней также ничего не случилось. Немного успокоившись, Маурос открыл оконную створку шире и с опаской полез внутрь.

Он оказался в большой комнате, занимавшей примерно половину первого этажа. В темноте эльф крался ощупью вдоль стены, роняя на пол странные предметы и задевая этажерки с книгами. При каждом столкновении душа его уходила в пятки, он замирал, зажмурился и ждал страшной кары. Наконец, добравшись до камина, он нащупал на полке канделябр и коробку спичек. Справившись с сильной дрожью в руках, Маурос зажжёг пять свечей и смог лучше рассмотреть комнату.

Вдоль трёх стен стояли высокие книжные шкафы. На полках красовались толстые фолианты в кожаных переплётках, маленькие невзрачные томики, свитки папируса и пергамента, кипы деревянных, глиняных и каменных табличек, аккуратные стопки тетрадей, в которых Хорус записывал собственные мысли и открытия. В комнате имелись две этажерки с книгами и длинными бумажными трубками. Третью этажерку Маурос уронил по дороге. Он решил, что по правилам элементарной вежливости следует за собой прибрать. Поставив этажерку на место, он принялся складывать на неё упавшие книги. С любопытством заглянул он в одну из них. Книга привлекла его красивой красной обложкой с медными уголками и летящим драконом. Он приготовился прочитать что-нибудь интересное, но с досадой понял, что написана она на том же непонятном языке, что и таблички в саду. Книги он больше не раскрывал, но развернул несколько бумажных трубок, оказавшихся картами. На одной был изображён Южный континент. На другой – подробнейший план Ферлатиса. На третьей поселение изображалось в виде маленькой точки, а всё внимание уделялось его окрестностям. Бросалось в глаза, что все колодцы, шахты и пещеры обведены разноцветными кружочками. Маурос заметил, что заброшенная шахта и старый колодец на берегу моря выделены чёрным цветом и снабжены одинаковыми непонятными значками. Ещё там были карты с фрагментами звёздного неба, созвездиями и планетами. Но некоторые так и остались для эльфа тайной: он не сумел ни понять, какие загадочные места и страны на них изображены, ни прочитать названия.

Покончив с упавшими книгами и картами, Маурос решил поднять другие опрокинутые им предметы. По дороге он задел чучела животных на деревянных подставках. «Даже чучела

зверей от меня шарахаются!» – с горькой иронией подумал эльф. Первым оказалось чучело рыси. Её легко узнать по пушистым кисточкам на треугольных ушках. Опасная кошка иногда приходила поохотиться в окрестности Ферлатиса. Её шкура на ощупь казалась великолепной, словно рысь не умерла, а уснула. У эльфа возникло опасение, что она вот-вот проснётся и с грозным рыком бросится на незваного гостя. Маурос поспешно поставил рысь на место и повернул мордой к себе. В ту же секунду он вскочил как ошпаренный, бросился за ближайшую этажерку с книгами и там затаился. Выждав несколько минут и слегка успокоившись, эльф осмелился высунуться из укрытия и посмотреть на страшное чучело. Рысь продолжала стоять на деревянной подставке, не шелохнувшись.

Что же напугало смелого лазутчика? У рыси вместо звериной морды было нечто, напоминающее человеческое лицо. Пара умных, серых, определённо человеческих, а не звериных глаз в упор смотрела на подростка. В свете дрожащего пламени свечей глаза выглядели живыми, и казалось, что зрачки двигались. С трудом преодолевая страх, Маурос внимательно вгляделся в морду, а точнее, в лицо рыси. Оно ему определено кого-то напоминало. Но кого? Как ни старался, он не мог это понять.

Постепенно эльф успокоился, взял себя в руки и поднял ещё два упавших чучела. Одно из них оказалось гигантской совой. Крылья у неё были сложены вдоль туловища, но легко угадывалось, что размах они имели огромный. У совы он увидел точно такое же лицо и глаза. Другое чучело принадлежало крупной собаке серого окраса с чёрным пятном на спине. С мордой здесь была та же история, что у рыси и у совы. Оглянувшись, Маурос заметил, что в комнате есть ещё одно чучело – вставший на задние лапы большой бурый медведь. Мальчик не заметил его сразу, так как тот стоял в нише между высокими книжными шкафами. «Если бы я увидел его с улицы, то ни за что не полез бы сюда. Меня ещё в саду удар хватил бы», – подумал эльф. Стоит ли говорить, что у медведя было почти человеческое лицо с умными серыми глазами. «Ну прямо близнецы в разных шкурах. Для чего они здесь? Где их раскопал колдун Хорус?» Тут Мауроса словно осенило. Он внимательно всмотрелся в лица и глаза. «Жаль, я никогда не видел его живым, но, если верить портрету, который нарисовал Ангус после гибели колдуна, это точно он». Лица четырёх загадочных животных определённо напоминали лицо хозяина этого дома, погибшего колдуна Хоруса.

На деревянных подставках под каждым чучелом с человеческим лицом имелись пояснительные надписи, состоявшие из тех же непонятных символов. «Для кого они написаны? Способный прочитать эти таинственные закорючки сам знает, что это за растения, карты и чучела. А я тут мучаюсь! Нет чтобы написать на нормальном эльфийском языке или, на худой конец, на языке ЛЭГ! Вредный народ эти колдуны», – ворчал себе под нос осмелевший Маурос. «Собственно, не для тебя это написано. Тебя вообще не должно быть ни в этом саду, ни в этом доме!» – послышался тихий голосок в голове у эльфа. Мальчик замер; он был не в состоянии точно определить, слышал ли он собственный внутренний голос или кто-то другой советовал ему убираться подобру-поздорову, пока не слишком поздно. Увы, больше разумных мыслей в мозгу не мелькало, и Маурос продолжил свои изыскания, направившись к двери.

Если бы он мог читать эти символы, то понял, что на подставках под чучелами было написано: «Тела для трансформаций». На дощечках в саду – названия растений и их магические свойства. На картах – резиденции Великих Повелителей Стихий с координатами их местоположения. Но понять это способен лишь колдун, так как все надписи были сделаны на древнеэльфийском, тайном языке магического братства. На всём Южном континенте им владели исключительно колдуны, что позволяло оградить секретные знания от любопытных и недостойных созданий.

Маурос решил обследовать по возможности весь дом колдуна, прежде чем звать Виллана. Выйдя из комнаты, он оказался в небольшой прихожей и обнаружил три двери: входная, ведущая на улицу, приоткрытая дверь, за которой виднелась самая обыкновенная кухня,

и третья дверь, открыть которую эльфу не удалось. Справа от себя он увидел узкую деревянную лестницу на второй этаж. Поднявшись, мальчик почувствовал насыщенный приятный аромат: «Словно в саду или в цветочной лавке». На втором этаже находилось всего две комнаты. Маурос заглянул для начала в правую от лестницы. За ней помещалась вроде бы химическая лаборатория: вдоль стен – высокие, узкие шкафы, на их полках – колбы, пузырьки и пузырьёчки, банки, склянки, трубочки, коробочки, тюбики, кувшинчики, мензурки, горшочки, мерные чашки, бутылки и прочие странные стекляшки. В центре помещения располагался огромный стол, на котором красовались медные весы, микроскоп, чудные стёкла на подставках, горелки, штативы и множество всяких предметов, ни названий, ни назначений которых эльф не знал. Совершенно очевидно, что здесь колдун готовил зелья и снадобья, а возможно, и яды. Маурос рассудил, что потенциально опасного тут куда больше, чем интересного, то есть рисковать не стоит.

Он закрыл дверь и направился во вторую комнату, которая служила колдуну спальней. В дальнем углу у окна стояла кровать с балдахином. На стене висело огромное зеркало в массивной резной раме. Под ним примостился маленький столик, на котором переливалась безукоризненными гранями большая хрустальная шкатулка. Через её прозрачные стенки эльф смог разглядеть два непонятных предмета – один красный, другой золотой. Однако кровать, зеркало, столик и хрустальная шкатулка бросились в глаза удивлённому Мауросу не в первую очередь. Он застыл на пороге, увидев, что весь пол в комнате был заставлен вазами с цветами. «Вот почему в доме такой насыщенный цветочный аромат! Но этого не может быть! Это настоящее волшебство!» – шептал эльф. Это были не просто цветы, а те самые, что жители Ферлатиса на протяжении нескольких лет приносили к дому колдуна Хоруса в день его гибели в знак благодарности за их спасение. Их связывали разноцветными ленточками в небольшие букеты. Как правило, члены одной семьи соединяли цветы таким образом. Маурос узнал подарочные ленточки. Но как они попадали в дом? Кто их расставлял в вазы? Как обычные живые цветы простояли столько лет, не увядая? Краткий, но объясняющий сразу всё ответ вертелся в голове у растерявшегося мальчика: «Колдовство! Самое настоящее колдовство!»

Следом ему на ум пришло логичное предположение: «А если колдун не умер? Был бы он мёртв – не забирал бы цветы. Может, он сделал вид, что покончил с собой, а сам тихонечко вернулся в дом и зажил себе припеваючи, радуясь, что его не беспокоят. Говорят, колдуны любят покой и уединение. Выходит, он здесь!» Маурос в панике забился в ближайший угол. Его бросало то в жар, то в холод. «Хорус меня убьёт! Или превратит в камень! Великие Повелители Стихий, спасите меня! Клянусь, я больше не буду!» – шептал мальчик. Он хотел убежать, но с перепугу не мог даже пошевелиться. В ужасе эльф зажмурился, ожидая сурового наказания, но его так и не последовало. Он с опаской приоткрыл один глаз. Любопытство – сила, способная победить страх. Размышлять, умер Хорус или морочит приличным эльфам голову, ему хотелось меньше всего. Единственным его желанием было поскорее убраться из таинственного дома.

Маурос решительно направился к двери, и тут взгляд его упал на прекрасную хрустальную шкатулку. Она манила и притягивала. «Что там? Наверное, очень ценная вещь, если шкатулка такая красивая. Вряд ли там что-то страшное или опасное. После чучел с человеческими лицами меня ничем не напугаешь. Взгляну одним глазком и убегу», – подумал эльф. Подойдя к столику, он посмотрел в зеркало, но не увидел собственного отражения. Он сделал шаг назад – никаких изменений не произошло. В зеркале отражалась комната, кровать, вазы с цветами, шкатулка – всё, кроме него. Это пугало. Тут эльф заметил, что в зеркале видна маленькая железная дверь прямо у него за спиной. Маурос оглянулся: противоположная стена была абсолютно гладкой. Однако в зеркальном отражении дверь присутствовала. Эльф несколько раз посмотрел в зеркало и на стену. В зеркальной комнате дверь была, в реальной – её не было. Он протёр глаза и потряс головой, избавляясь от галлюцинации. Для верности ощупал стену

сантиметр за сантиметром. Ничего! Снова мальчик нашёл простое и верное объяснение: «Колдовство!» Правда, зеркальные загадки не сильно напугали юного лазутчика. Они не казались зловещими после зверей с человеческими лицами.

Наконец дело дошло до хрустальной шкатулки. Эльф снял крышку и бережно положил её на столик. Внутри на красной бархатной подушечке лежала изящная золотая цепь с круглым кулоном. На нём были выгравированы семиконечная звезда в круге и девиз колдунов «Магия – сила» на древнеэльфийском языке. В центре звезды стояла личная печать Хоруса – раскручивающаяся вверх спираль. Несомненно, это была самая ценная вещь в доме. Маурос залюбовался цепью с кулоном, когда ему в голову пришла мысль: «Надо взять её и показать Виллану. Вдруг, если я приду с пустыми руками, он заявит, что я не лазил в дом, а прятался в саду. Точно!» Маурос потянулся к цепочке. «Я только покажу её другу и верну», – прошептал он, словно оправдываясь перед кем-то невидимым.

Взяв кулон, он закричал, не в силах терпеть адскую боль. Казалось, ладонь прожигают насквозь куском раскалённого железа. Он пытался разжать кулак, но печать будто приклеилась к его ладони. Из глаз брызнули слёзы. Сквозь пелену он увидел, как маленькая железная дверь, существовавшая только в зеркальной комнате, резко приблизилась. Она заняла собой всё зеркало и с отвратительным скрипом отворилась. Кто стоял за ней, так и осталось тайной. Эльф заметил лишь длинную чёрную руку, которая, резко дёрнув за золотую цепочку, вырвала у него кулон. Тут же дверь захлопнулась и исчезла. Больше её не было ни в зеркальной, ни в реальной комнате. И там, и тут стены сделались абсолютно гладкими.

Маурос, боясь повернуться спиной к опасному зеркалу, быстро попятился из комнаты. Он выскочил в коридор, кубарем скатился с лестницы и навалился всем телом на входную дверь, совершенно не подумав об охранном заклятии. Видимо, заклинание работало исключительно против тех, кто хотел войти в дом колдуна, а не выйти из него. Эльф, как пробка из бутылки, вылетел на улицу, окинул её бешеным взглядом и помчался к дому дяди Эусебио сломя голову.

Виллан, устав ждать друга у забора, собрался уйти. Его мало волновало, по какой причине Маурос так долго не выходил. «Если с этим недотёпой что-нибудь случилось, я докажу, что я не причастен, а это главное. Я здесь вообще ни при чём», – убеждал себя подлый трус Виллан, когда Маурос пулей вылетел из дома. Вид у него был как у эльфа, встретившего живого мертвеца или что-то вроде того. Маурос в упор взглянул на Виллана, но его не увидел. Он выкрикнул нечто странное и замахал руками, затем резко повернулся и бросился бежать, да так быстро, словно за ним гнались огры или гоблины. Виллан не последовал за насмерть перепуганным товарищем. Он воровато оглянулся и с самым беззаботным видом пошёл в другую сторону, насвистывая себе под нос весёлую мелодию.

Маурос больше двух недель не высывался из дома. Тёте Ронесе он соврал, что обжёг руку раскалённым угольком. Каждое утро тётя мазала рану лечебной мазью, приготовленной по рецепту её бабушки. Проверенное веками средство. Смазанные им царапины, порезы и ожоги затягивались как по волшебству. Но только не в этот раз. Несмотря на все тёткины старания, рана не заживала. «Странно. Ты уверен, что обжёгся обычным углём?» – недоумевала тётя. Эльф молчал, как на допросе у врага. «Эх! Был бы жив колдун Хорус, он бы мальчишку мигом вылечил!» – заявила Ронеса. При этих словах Маурос испуганно вскрикнул и рухнул в обморок. Родственники уложили его в кровать и несколько дней заботливо за ним ухаживали. Впервые ему показалось, что его вроде бы любят в этом доме.

Рана зажила через тринадцать дней, но на ладони навсегда осталось круглое чёрное пятно. Выйдя из дома после долгой болезни, Маурос разыскал Виллана. Тот заверил друга, что не проболтался никому об их вылазке. В ответ на все расспросы Виллан врал одно и то же: мол, идея залезть в дом колдуна была глупой шуткой, что они с Мауросом посмеялись над всеми, а потом пошли на берег моря. Там, по словам Виллана, они развели костёр, Маурос

неудачно обжёгся, а когда хотел опустить руку в прохладную воду, поскользнулся и упал в море. В результате он заболел и провёл дома две недели. Версия выглядела весьма правдоподобно.

– А откуда ты узнал про ожог?

– Тётка твоя сказала, когда я приходил тебя проведать. Ну, расскажи, что там, в доме Хоруса? Что тебя так напугало? Я сгораю от нетерпения!

– Не могу. Мне сказали...

– Кто тебе сказал? В доме кто-то есть?

– Не знаю. Но страшные голоса сказали, если я проболтаюсь, то превращусь в камень. Та же участь постигнет и того, кто услышит мою историю.

– Ты не врешь?

– Зачем мне врать?

– Это правда?

– Давай проверим. Слушай. Когда я вошёл в дом, то сразу увидел...

– Замолчи! Не хочу тебя слушать! Не хочу стать камнем! Не приближайся ко мне!

Виллан бросился бежать без оглядки. С тех пор он избегал своего товарища. А Маурос в душе ликовал: впервые он сумел взять верх над хитрецом Вилланом. Две недели, проведённые в постели, пошли ему на пользу. Проанализировав все слова и поступки, он понял, что Виллан толкнул его на преступление, а сам остался в стороне. Хорошо бы отделаться ожогом на ладони. А если дело обстоит хуже? Если это не все последствия? Подобные мысли постоянно крутились в голове мальчика. Он с тревогой осматривал пятно на ладони, опасаясь, что скоро вся рука почернеет и отсохнет. Ворчание тёти Ронесы лишь усиливало его страхи. Маурос решил, что сделанного не исправить, но можно проучить вредного Виллана. Ему надоело наступать на одни и те же грабли. Эльф тщательно продумал, что скажет подлому мальчишке о доме колдуна. Придуманный им ответ сработал великолепно. Ведь на деле Виллан был большим трусом.

Увы! Маурос не ошибся не только насчёт «друга», но и по поводу последствий проникновения в дом колдуна Хоруса. Они оказались куда страшнее отметины на ладони. Однако о них станет известно ещё очень нескоро.

Хиль

- Ты растяпа! Ты всё испортил!
- Нет. Так и было задумано.
- Только что придумал?

У Мауроса сильно кружилась голова. В комнате явственно ощущался какой-то тошнотворный запах. Эльфу казалось, что реальность ускользает от него, как почва из-под ног. Ему больше не хотелось читать злополучную книгу. Слишком много совпадений! И это пугало. Прочитав последний пункт, он почувствовал, будто ледяные тиски сжали ему сердце. Маурос попытался взять себя в руки, для чего, по обыкновению, призвал на помощь логику, рассуждая примерно так: «Да, я из рода земных бессмертных, но на Южном континенте нас сотни тысяч. Следовательно, никакое это не важное совпадение. Да, я сирота, но и сирот великое множество. Сколько эльфов погибает в стычках с ограми и гоблинами. Значит, и это совпадение так себе. Да, я без вины осуждённый. Не могу сказать, что нас много, но полагаю, достаточно. После знакомства с Верховным судьёй уверен, что напрасно осудили не только меня. Насчёт проникновения в чужой дом, это они угадали. Но, по-моему, я и тут не одинок. Другое дело, что ко мне подходят сразу все признаки. Жуть! Не хочу стать Чёрным Властелином! Не я это!»

Логичные умозаключения не успокоили эльфа, а наоборот – усилили чувство тревоги. Осталось дочитать несколько пунктов, и правда наконец откроется. Маурос панически боялся этой правды. Смутное предчувствие беды, возникшее в момент обнаружения тайной комнаты, крепло и не давало покоя. И вдруг решение пришло само собой. Мысль озарила его разум, как яркая вспышка. «Я же могу не читать до конца эти пророческие ужастики! Могу уйти из комнаты прямо сейчас! Что мне мешает?» Эльф оглянулся и убедился, что никаких препятствий для отступления нет. К его великой радости, путь из круглой комнаты был по-прежнему свободен. Юноша вздохнул с облегчением и выскользнул в приоткрытую железную дверь. Мысли всё ещё путались в его голове, но одно он знал наверняка: он ни за что не вернётся в проклятую комнату. По крайней мере, сегодня. Лучше посвятить остаток дня отдыху и размышлениям.

Как известно, думать лучше лёжа. Маурос растянулся на кровати и только тут заметил странную вещь: свечи почти догорели. Сколько прошло времени? Толстые свечи, использовавшиеся в крепости, горели не менее восьми часов. Когда эльф нашёл комнату, они горели не больше часа. По его подсчётам, чтение книги заняло у него часа два со всеми размышлениями и воспоминаниями. «Бред! – подумал эльф. – Я не мог проторчать там шесть или семь часов!» Но факты – штука упрямая; спорить с ними бессмысленно и бесполезно. Толстые свечи почти полностью растеклись. Эльф нехотя поднялся и заменил их на новые. Тут он вспомнил, что скоро придёт Хиль, эльф, который после суда проводил его до подвала, а потом каждый день в одно и то же время приносил еду и питьё. Он обменивался с Мауросом дежурными фразами, отвечал на вопросы, которых до сих пор возникало немного. Теперь их количество существенно возросло. Юноше не терпелось задать их Хилю, так как расспрашивать больше оказалось некого. В первые 13 дней в Чёрной крепости его словно держали в изоляции. «Надо скрыть потайную дверь от посторонних глаз», – смекнул Маурос. Для этой цели лучше всего подходил шкаф, стоявший в углу. Он оказался почти пустым: смена белья, одеяло и комплект серой одежды из грубой ткани. В крепости все носили такие простые серые штаны и рубахи, даже четыре правителя, а вновь прибывшие выделялись из серой толпы пёстрыми лохмотьями. Эльф легко передвинул шкаф в нужное место. Едва он осуществил задуманное, как в дверь подвала постучали. Пришёл Хиль.

- Привет, дружище! Я тебя заждался. Сегодня я почему-то очень проголодался.
- Видимо, перетрутился с ремонтом и перестановкой мебели.

«Глазастый какой! Сразу заметил, что шкаф не на месте, – подумал Маурос. – Но, сдаётся мне, он в хорошем расположении духа. Попробую этим воспользоваться».

– Ты же спасёшь меня от голодной смерти! Вижу, приволок что-то вкусное.

– Вкусно, невкусно, а есть можно. Другая еда тут редкость. Выбирать не приходится.

– А откуда вы её вообще берёте? В пустыне ничего не растёт, скотину вы не держите, но с голоду-то не помираете. Объясни, в чём тут загадка.

– Сам не знаю. Могу лишь рассказать тебе то, что известно всем в крепости, кроме новеньких, конечно.

– Сгораю от любопытства! Ты куда-нибудь торопишься?

– Сегодня у меня больше нет дел.

– Тогда не откажись от приглашения и раздели со мной ужин. Посидим, поболтаем, расскажем свои истории, ты растолкуешь мне, что к чему в крепости. Договорились?

– Идёт. Я давно ждал этого, да ты, видно, никак не мог прийти в себя. Такое со многими бывает. Ничего удивительного.

– Ты прав. Такое отчаяние и одиночество, что словами не передать.

– Понимаю. Сам через это прошёл. Знаешь, мы должны держаться вместе, ведь мы эльфы, а наших тут не так много. В крепости больше всего людей Дезэры. Потом, ты мне сразу понравился. Ты не похож на отпетого преступника или убийцу.

– Меня обвинили в грабеже и убийстве родственника, а этого я не совершал. Клянусь! Я невиновен. Знаю, ты не поверишь. Тут все твердят о своей невиновности.

– Нет, здесь большинство склонно говорить правду. Вот я, например, виновен в жутком преступлении, за которое меня сослали в пустыню. Я полностью признаю вину и искренне раскаиваюсь. Увы! Слишком поздно. Исправить уже ничего нельзя.

– Что же ты натворил? С виду и не скажешь, что ты головорез или душегуб.

– Хуже. Я предатель.

После этих слов, произнесённых с безмерной досадой и горечью, Хиль надолго замолчал. А Маурос взглянул на собеседника по-другому. Предателей ненавидели и презирали все без исключения. Это было самое страшное преступление по меркам эльфов. Наконец Хиль прервал молчание и поведал свою печальную историю. Так подробно он её никому не рассказывал. Он словно пытался излить Мауросу душу.

* * *

В 5038 году, когда Мауросу не исполнилось и года, враги напали на пограничное поселение Локкси, где жил Хиль. Хотя эльфы постоянно готовились к атакам огров, нападение оказалось внезапным. Многие защитники не успели схватить оружие и были убиты на месте. Оставшиеся сражались храбро и достойно, зная, что обречены. Это позволило выиграть спасительные полчаса. И тут подоспела нежданная подмога. Эльфийский принц Бласко с отборным отрядом объезжал владения отца, короля Бартоло. Дозорные, высланные принцем вперёд, вернулись быстро. Они гнали лошадей во весь опор, спеша сообщить молодому господину о кипевшей в поселении схватке. Не раздумывая ни секунды, принц крикнул: «В атаку!» – и прищипорил коня. Отряд, закованный в сверкающие доспехи, сорвался с места и ринулся на врагов.

Кровожадные огры уже были уверены в скорой победе, а несчастные эльфы – в неминуемом поражении и гибели родного Локкси, когда богиня судьбы резко отвернулась от первых и широко улыбнулась вторым. Эльфы ликовали. Они спасены! Они живы! Дома целы! Семьи не угнаны в рабство! «Слава принцу Бласко! Слава спасителю!» Дружный крик раскатом грома прокатился над полем битвы. Огры дрогнули и поддались панике. Исход битвы был предопре-

делён. Эльфы уничтожили вражеский отряд. Пленных они не брали, так как рабов не держали. Да и какие из огров рабы? Себе дорожке выйдет.

К счастью, все женщины и дети остались целы и невредимы, они успели спрятаться в подвалах, на чердаках домов, в сараях и других хозяйственных постройках. Им повезло, что благодаря стойкости защитников и своевременному вмешательству принца Бласко нападавшие не успели перейти к излюбленному занятию – грабежу. Обычно огры, перебив всех защитников, грабили дома, уводили скот, а детей и подростков угоняли в рабство. Их везли на телегах в железных клетках. Поселение непременно сжигали дотла, что являлось отличительной чертой их набегов, чем-то вроде подписи. Ни гоблины, ни тролли никогда не оставляли за собой пепелища. Только не подумайте наивно, что они были менее жестоки. Три народа друг друга стоили. Не зря у следившего за ними колдуна Герруса были вконец расшатаны нервы. И огры, и гоблины, и тролли заслуженно считались зверскими убийцами, не знавшими пощады. В кровавости с ними могли тягаться лишь люди Мерморта, племя морских пиратов.

Благодаря вовремя подоспевшему отряду Бласко вышеперечисленных ужасов удалось избежать. Больше всех повезло старикам, если можно назвать везением то, что половине из них пришлось хоронить сыновей, оплакивать родственников, друзей и знакомых. Незадолго до трагедии все жители Локкси старше 1500 лет отправились на традиционный совет старейшин. Только это их и спасло: укрыться от огров они вряд ли успели бы – слишком стремительной и неожиданной оказалась атака на поселение.

Одержав победу, эльфы перешли к насущным делам: одни бросились оказывать помощь раненым, другие занялись похоронами и наведением порядка. Павшим героям отдали должные почести, а тела огров стащили в овраг и сожгли без всяких церемоний. Затем начали готовиться к пиру, дабы помянуть павших, воздать дань уважения их ратному подвигу, поблагодарить их за то, что, отдав свои жизни, они спасли чужие, пожелать их душам счастливого загробного пути. Разумеется, жители Локкси хотели ещё и отблагодарить своего спасителя, любимого всем народом принца Бласко, и оказать полагающиеся почести его отцу, королю Бартоло.

Принц любезно принял приглашение жителей Локкси. С одной стороны, он хотел выказать уважение мужеству защитников поселения, сразившихся с превосходящими силами противника без малейшей надежды на спасение. С другой стороны, у светлейшего принца накопилась масса нелицеприятных вопросов к главе Локкси относительно организации обороны. Поселение основали несколько столетий назад по указу короля для укрепления пограничной линии и помощи соседнему Берсо. Оно занимало стратегическое положение на рубеже с Южными огами, но последние события показали принцу, что граница тут не на замке.

Столы накрыли под открытым небом на центральной площади поселения. Эльфы выставили на них лучшие кушанья и напитки. Конечно, эту трапезу никто не подумал бы сравнить с дворцовыми пирами, но угощение получилось вполне достойным. По периметру площади установили высокие шесты. Между ними на натянутых верёвках покачивались разноцветные бумажные фонарики; они рассеивали сгущающийся вечерний мрак, отгоняя злых духов, и служили украшением, пусть и скромным. В центре площади насыпали небольшой холм; в него, как в именинный торт свечи, поселенцы воткнули горящие факелы. Их количество по традиции равнялось числу погибших в бою эльфов. Все с грустью смотрели на них, думая о навсегда ушедших из этого мира мужьях, братьях, сыновьях, товарищах. У многих по щекам текли горькие слёзы.

Принц Бласко, сидевший на почётном месте, поднял серебряный кубок и произнёс номинальную речь по погибшим, не отличавшуюся оригинальностью. Он сказал банальные вещи, которые все ожидали услышать: прославил мужество защитников Локкси и всех эльфов, оборонявших родную землю, да призвал Великих Повелителей Стихий раз и навсегда покончить с проклятыми огами. Окончание его речи утонуло в громких криках: «Ура! Да будет так! Слава принцу Бласко! Слава королю Бартоло! Пусть они правят народом вечно!» Принц продолжил

трапезу. Около часа он хранил молчание, давая поселенцам возможность хоть как-то прийти в себя перед важным и неприятным разговором.

Наконец принц Бласко снова встал и обратился к собравшимся, но на этот раз голос его звучал сурово: «Я желаю говорить со старейшиной. Разговор касается всего поселения, и отвечать он будет при всём честном народе. Итак, где он?» К великому удивлению принца, ему никто не ответил. Среди присутствующих царило замешательство. «Поселений без старейшин не бывает. Это абсурд. Видимо, подлый трус прячется», – решил принц. Сдвинув брови, он окинул подданных устрашающим взглядом: «Где мерзкий предатель?! Вы намерены его выгораживать?!» Молодой эльф, серьёзно раненный в бою, вышел вперёд. Он глубоко вздохнул для храбрости и, потупив взор, произнёс:

– В поселении нет старейшины. Сейчас нет.

– Что это ещё значит?

– Он ушёл.

– Кто ушёл?! Куда ушёл?! Либо ты говоришь мне всё быстро, внятно, по порядку, либо вы узнаете меня в гневе. Я не намерен тянуть каждое слово клещами!

– Простите, господин! Старейшину Локкси зовут Эсмирио. Все его любят и уважают.

– За что вы уважаете никчёмного старейшину, неспособного организовать оборону поселения?! Он виновен в гибели ваших собратьев!

– Умоляю, не торопись с выводами, светлейший принц! Дозволь рассказать тебе всё.

– Скорый и несправедливый суд – это преступление и великий грех. Слушаю тебя.

– По указу короля Бартоло мы выбрали старейшиной мудрого Эсмирио. Несколько дней назад он вместе со всеми стариками отправился на совет старейшин.

– Он был обязан назначить заместителя.

– Его всегда замещал кузнец Феррио. Увы! В бою с ограми он героически погиб.

– Что ж, почтим его память.

После минуты молчания принц Бласко продолжил допрос с целью найти и покарать виновного в скверной организации обороны стратегического поселения:

– Что ваш старейшина предпринял для обеспечения безопасности Локкси?

– Поверьте, ваше высочество, он и кузнец Феррио многое сделали: отремонтировали частокол, углубили и расширили ров, устроили хранилища с казённым оружием, чтобы при внезапном нападении оно было под рукой. Кстати, это многих спасло.

– Очень разумные шаги.

– Он продумал удобные укрытия для женщин и детей. Он заставлял упражняться в стрельбе из лука и метании копья всех защитников поселения.

– Похвально. Но тогда почему враги застали вас врасплох и едва не уничтожили поселение? Вы не удосужились наладить систему слежения и оповещения?

– Светлейший принц, наш старейшина позаботился и об этом. По его приказу мы построили сторожевую башню. Взгляните на север в сторону леса.

– Да, башню я вижу. Расположена она удачно. Высота у неё подходящая. Можно увидеть врагов за несколько километров.

– На башне есть колокол и дымный факел. Дозорный, заметив врага, зажигает факел и бьёт в набат. Мы успешно отбили две атаки огров. Первый раз они отступили без боя, поняв, что фактор внезапности утрачен. Второй раз они пошли в наступление, но мы оказались к нему полностью готовы. Без особых потерь мы отстояли Локкси.

– Звучит хорошо. Но что случилось на этот раз? Дозорный ударил в набат?

– Нет.

– Он поджёг дымный факел?

– Нет.

– А был ли дозорный?

– Да. Сегодня дежурил Хиль. Видимо, его убили огры.

– Дозорный так и так обречён на смерть. Он не может один оборонять башню.

– Почему, светлейший принц? Старейшина Эсмирио приказал держать на привязи у сторожевой башни резвого скакуна. Дозорный, передав два сигнала тревоги, сел в седло и скакал в поселение. Оба дозорных, в чьи дежурства случались последние вылазки огров, живы до сих пор.

– Воистину вы выбрали мудрого старейшину! Если бы не сегодняшнее поражение, его можно было бы ставить в пример остальным. Но что произошло с дозорным? Вы проверили башню после сражения?

– Разумеется, господин.

– И что же вы там нашли? Убитого товарища?

– Никак нет, мой господин. Мы ничего не нашли. Лошадь привязана к колышку. Дымный факел никто даже не пытался поджечь. Хилья мы не нашли ни убитым, ни раненым. Его нигде нет.

– А не мог этот ваш Хиль перейти на сторону врага?

– Нет! Что вы! У нас нет предателей! Хиль растяпа, но не злодей.

– И где теперь этот растяпа?

– Мы не знаем.

– По-моему, если кто и виноват в трагедии, так это дозорный. Я помилую его и даже назову героем, если его убили, ранили или похитили до того, как он успел подать сигнал тревоги. В ином случае я сочту его виновным в гибели моих подданных и предательстве. Найдите его живым или мёртвым. Все на поиски Хилья! Вам поможет лучший следопыт. Встречаемся здесь через три часа, если только не найдём этого загадочного парня раньше.

Повинуясь приказу принца, все жители Локкси от мала до велика отправились на поиски так некстати пропавшего Хилья. Наступила ночь. То тут, то там мелькали горящие факелы и слышались крики: «Хиль! Хиль! Отзовись! Где ты?» Дориан, самый опытный следопыт в королевстве, поехал осматривать сторожевую башню. Он был крайне недоволен тем, что следы ему придётся искать в кромешной темноте. «Что можно найти в таких потёмках? Только корову, и то если она не прячется!» – ворчал следопыт. Но приказы принца не обсуждаются. И Дориан знал, что сумеет найти в башне хоть какие-то подсказки. Наследник трона разместился в походном шатре и попытался немного поспать. Отдых требовался и его рыцарям.

Безрезультатные поиски Хилья затянулись до утра. А с первыми лучами солнца произошло несколько событий. Эльфы, ушедшие на поиски дозорного, вернулись в поселение. Принц Бласко, проснувшись, обнаружил, что проспал больше трёх часов, за что устроил взбучку часовому, побоявшемуся его разбудить. Прискакал следопыт Дориан с донесением. В общем, все снова собрались на центральной площади. Столы после пира никто не разобрал, и принц Бласко занял почётное место.

– Вы нашли его, мои верноподданные?

– Нет, господин. Мы не нашли его ни живым, ни мёртвым.

– Странно. А что скажешь ты, Дориан?

– Дело ясное, что дело тёмное, мой господин.

– Не остри!

– Тем утром на башне кто-то точно был. Я нашёл хлебные крошки. Судя по тому, как они засохли, ещё вчера утром они являлись частью свежей лепёшки.

– С чесноком? – вмешался в разговор один из жителей Локкси.

– Да. С чесноком. А почему ты спросил об этом?

– Я булочник. Все лепёшки пеку я. Один Хиль любил чесночную начинку.

– Значит, мои предположения верны. Утром Хиль заступил в дозор, а потом исчез.

– Как?

– Добровольно и своими ногами. Следов борьбы я не обнаружил.

– Всё же измена?

– Не знаю, ваше высочество. Вам судить. Я лишь готов поклясться, что дозорный ушёл в сторону леса. На правом плече он нёс лопату.

– Ты что, колдун или ясновидящий?! Как ты можешь это утверждать?

– Для меня следы – открытая книга. Я знаю, что говорю, и могу представить доказательства. Парень ушёл в лес сам, неся лопату на плече.

– Спасибо, Дориан. Ты славно потрудился, хотя тайна так и осталась тайной.

– О! Мой господин, наша тайна сама идёт к нам! Вот же он! Вот наш Хиль! И лопата.

Услышав радостные вопли булочника, все дружно повернулись в сторону ворот и увидели целую процессию. Это возвращались старики. Впереди, опираясь на палку, шёл старейшина поселения Локкси. Он мирно беседовал с худощавым пареньком, нёшим на плече испачканную в земле лопату. Это был не кто иной, как без вести пропавший дозорный Хиль. Воцарилась гробовая тишина. Эльфы в недоумении переглядывались. Молчание нарушил старейшина Эсмирио. Несмотря на преклонный возраст, соображал он быстро. Окинув беглым взглядом поселение, он понял, что произошла битва и в ней погибло много эльфов, а также – чьё вмешательство решило исход сражения.

– О! Ваше высочество! Да прославится в веках ваше имя!

– Приветствую тебя, Эсмирио! Мне доложили, как ты славно потрудился на благо поселения и укрепления границ королевства. Я доволен. Ты свободен. Пусть жители сами расскажут тебе о случившейся беде. Я желаю поговорить с её виновником.

– Но кто виновен, кроме проклятых огров? Да сгинут они с лица Земли! – не удержался старейшина.

– Есть виновные и помимо явных врагов. Хиль, я обращаюсь к тебе!

– Да, мой господин.

– Расскажи без утайки всё, что случилось с тобой, начиная со вчерашнего утра.

И Хиль поведал свою историю. Он понял, что по его вине произошла страшная трагедия, что принц Бласко справедливо возложил ответственность на него, что наказание его ожидает самое суровое. Несмотря на это, Хиль не выкручивался, а рассказал чистую правду, покорно склонив голову перед принцем и судьбой.

– Вчера утром я сменил на посту кузнеца Феррио. Позавтракал лепёшками с чесноком. Час проторчал без дела, созерцая окрестности. Я чуть не уснул от скуки.

– На это и рассчитывали подлые огры. Они следили за башней, ожидая, когда на дежурство заступит какой-нибудь раззява. Он потеряет бдительность, вздремнёт или отлучится, а они тут как тут.

– Видимо, так и произошло, светлейший принц. Они перехитрили нас, – не унимался старейшина.

– Не нас, Эсмирио, а его. Одного непутёвого ротозея достаточно, чтобы погубить целое поселение! По каким важным делам ты осмелился отлучиться?

– Я ходил искать золото.

– Что?! Что ты сказал?

– Я ходил за золотом. Думал, знаю, где зарыт клад. Но там только овальные камни с непонятными символами. Они от древнего народа, уплывшего за море на кораблях.

– Какой клад? Какие символы?

– Два дня назад я ходил в лес за грибами и забрёл в самую чащу. На поляне я увидел странные овальные камни по два метра в высоту. На каждом выбит непонятный символ. Расположены они тремя кругами: два маленьких – внутри третьего большого круга. Когда я их нашёл, уже смеркалось. Я понял, что вернуться в поселение не успею, и заночевал неподалёку. Всю ночь мне снились чудные сны: под камнями сама собой открывается дверь, из-под земли

струится золотой свет, и чей-то голос шепчет: «Хиль! Там золото! Там несметные сокровища! Они ждут тебя! Возьми их!» Посреди ночи я проснулся, уверенный в том, что нашёл клад древнего народа. Я побежал за лопатой. Кругом было темно, хоть глаз выколи, но я быстро добрался до поселения. С первыми лучами солнца я выходил из дома с лопатой и узелком с лепёшками. Тут соседка Алисия напомнила мне, что пришла моя очередь дежурить на сторожевой башне. Как не вовремя! Увы! Ничего не поделаешь. Я сменил на посту кузнеца и решил, что пойду за кладом завтра. Едва я остался один, как услышал голоса. Они, не умолкая, твердили мне про клад, который найдут другие. Я пытался не слушать их. Мотал головой, затыкал уши, пел песни, но они гудели в голове, словно пчелиный рой. Через час я сдался. Подумал, мол, ничего страшного не произойдёт, всё спокойно, огры не осмелятся напасть на поселение. Теперь я знаю, какую ужасную ошибку совершил! Я искренне раскаиваюсь!

– Раскаяние твоё запоздало. Мёртвых не воскресишь. Что произошло дальше?

– Ничего особенного. Я добрался до странной поляны и стал копать. Я перелопатил всё внутри большого круга из овальных камней и не нашёл ничего ценного. Откопал ещё 99 камней с иероглифами. Золота там нет.

– Ты уверен?

– Да. Я перерыл там всё. Если хотите, ваше высочество, могу показать вам это место. Мне скрывать нечего.

– Да. Хотелось бы на него взглянуть.

– Не стоит вам ездить туда, светлейший принц! Место это явно проклятое. Хиль чуть не свихнулся, видел странные сны, слышал голоса. От древнего народа жди одних козней и неприятностей, – попытался предостеречь принца старейшина.

– Мудры твои слова, старейшина Эсмирио, но поехать я должен. Мне надлежит знать всё, что находится в королевстве моего отца. Загадки древнего народа давно не дают мне покоя. Скажи нам, Хиль, почему ты не вернулся в поселение вечером или ночью? Все искали тебя. Ты прятался от нас, опасаясь справедливой кары?

– Нет, ваше высочество. Я не прятался, так как вообще ничего не знал о случившейся беде. Я не захотел блуждать по лесу в темноте и, сделав небольшой крюк, вышел на дорогу, тут я и встретил наших стариков, возвращавшихся с совета.

– Он сказал правду, господин. Мы решили провести ночь на свежем воздухе: многие из нас так устали, что не дошли бы до дома, не передохнув. Мы развели костёр, и тут из леса вышел Хиль. Я не знал, что он должен был нести дозор на башне, а не шататься по лесу с лопатой, – пояснил Эсмирио.

– Всё так, Повелитель. Поэтому мы вошли в ворота вместе и только сегодня утром.

Хиль замолчал, потупив взгляд. Никто не произносил ни слова. Все ждали, что скажет принц. Бласко хранил молчание. Он размышлял. От его решения зависела судьба паренька. В какой-то мере принцу стало жаль Хиля. Тот ничего не скрывал, говорил правду, искренне раскаивался. Скорее всего, на парня навели злые чары. Как иначе объяснить странные сны и голоса? Но Хиль совершил тяжкое преступление: поставил под угрозу границы королевства. Такое нельзя оставлять безнаказанным.

– Перед тем как огласить приговор, я хочу посетить это таинственное место. Отведи нас туда. Со мной пойдут Дориан и ещё десять воинов. Остальные будут ждать меня в поселении.

Повинуясь приказу, Дориан и воины тут же собрались в дорогу. Хиля никто и не подумал связывать. Ему дали лошадь. Он ехал впереди, указывая путь. Добравшись до места, принц увидел в точности ту картину, что описал эльф. Бласко спешил, побродил среди загадочных камней, ничего не обнаружил нового и не понял смысла странного сооружения. Он отдал два распоряжения. Во-первых, перерисовать тайные знаки, выбитые на камнях, в надежде, что придворные мудрецы или кто-то из колдунов, например вечно странствующий Юдониус, их разгадает. Во-вторых, вернуть всё в первоначальный вид, убрав следы необузданной кладоиска-

тельской деятельности Хиля. Когда оба распоряжения принца были выполнены в строжайшей точности, все вернулись в эльфийское поселение.

В третий раз жители Локкси собрались на центральной площади. Они готовились услышать приговор Хилю и проводить своего спасителя, принца Бласко. В толпе собравшихся шёл жаркий спор. Кто-то проклинал Хиля, кто-то жалел его. Некоторые требовали смертной казни, другие надеялись на менее суровое наказание. Мнения звучали самые разные. Что же скажет принц?

– Именем короля Бартоло объявляю Хиля из Локкси виновным в предательстве и гибели наших соотечественников. Наказанием за страшное злодеяние назначаю ему ссылку сроком на триста лет в Северную пустыню. Отбыв её, Хиль волен вернуться и поселиться в любом месте, где его примут. Имя его не будет предано ни проклятию, ни забвению. Да будет так!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.